

ВЛАДИМ БУЛАЕВ

ПРО ИВАНОВА ШВЕЦА
И ПРИКЛАДНУЮ
БЕСОЛОГИЮ #3

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вадим Булаев

**Про Иванова, Швеца и
прикладную бесологию #3**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Булаев В. В.

Про Иванова, Швеца и прикладную бесологию #3 / В. В. Булаев —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

С работы уволили, на личном фронте проблемы, друзья разбежались или вообще пропали с житейского горизонта. И что остаётся? Правильно — идти и учиться колдовству. Вот только куда? Примечания автора: Главы будут выходить без привязки к конкретным датам и дням недели. Я буду безмерно благодарен за любые комментарии и иное проявление неравнодушия к этой книге. Содержит нецензурную брань.

Содержание

История первая. Право на выбор. Глава первая	5
История первая. Право на выбор. Глава вторая	17
История первая. Право на выбор. Глава третья	27
История первая. Право на выбор. Глава четвёртая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

История первая. Право на выбор. Глава первая

– Серёжа! – Маша печально смотрела на заставленную кастрюльками кухонную плиту. – Иди кушать! Я супчик грибной сварила, кашка есть свежая, мясо тушёное, пирог скоро дойдёт...

– Нет, спасибо, – донеслось из комнаты. – Я не голодный!

Такая постановка вопроса домовую явно не устроила. Для кого старалась? Для кого у конфорок, пропади они пропадом, как белка в колесе, крутилась? Всё с пылу, с жару, свеженькое...

Кицунэ даже поскандальить захотелось от такого неуважения к своему труду, но она мужественно сдержалась и сделала ещё одну попытку решить дело миром:

– Ну для кого я готовила? – попробовала пронять парня жалобным голосом девушка. Иногда прокатывало. – Что, совсем не вкусно?

– Нет. То есть да. Вкусно. Очень вкусно. А давай я потом поем, – не повёлся Иванов. – Я занят.

Хитрость не удалась, заставив Машу нахмуриться. «Ну вот, похоже, переиграла. Придётся что-то новое сочинять», – с неудовольствием думала она, прекрасно осознавая, что слишком часто злоупотребляла этими маленькими, безобидными манипуляциями. Однако сдаваться девушка не собиралась, раздосадовано прошипев: «Ну, держись!».

Зло топнув ножкой и мысленно наплевав на все свои попытки провести день в тишине и согласии, кицунэ, сжав кулачки, направилась в комнату, полная решимости разобраться с этим неблагодарным верзилой.

– И куда мне всё это девать?! – ещё из коридора начала заводиться Маша. – Самой есть и толстеть?! В бочку превращаться?! В тумбочку на ножках?! Или Мурке отдавать? Так ей нельзя! И не съест ей столько!..

В этот момент только что упомянутая домашняя питомица молнией спрыгнула с любимого подоконника и, ловко путаясь в ногах у домово́й, прошмыгнула в комнату. Там она, задрвав хвост трубой, грациозно запрыгнула на диван, с дивана на шкаф и с неодобрением уставилась на хозяйку, посмевавшую усомниться в её, Муркиных, талантах по поглощению пищи. Даже лапкой неодобрительно махнула.

На шкаф кошке тоже было нельзя (кицунэ очень переживала за то, что её любимица может упасть оттуда и удариться). Задолбала Машка, откровенно говоря, животное своей заботой. Но сейчас раззадоренная девушка на это попросту не обратила внимания.

За полгода проживания в Серёгиных апартаментах Мурка очень изменилась. Из когда-то принесённого в дом Антоном Швецом шелудивого приبلудыша она превратилась в очень миленькую, средней лохматости, ухоженную молодую кошечку с довольно спокойным характером и присущей этому племени истинной независимостью, на которую могла посягать только Маша. Да и то под настроение.

Нет, воспитанная мурлыка никогда не позволяла себе оцарапать хозяйку или зашипеть на неё, но зато могла всем своим видом изобразить такое ледяное равнодушие к каким-нибудь глупым, по её мнению, претензиям домово́й, что без куска сочной свежей печёнки вопрос не решался никак.

А с Ивановым кошечка просто дружила, позволяя ему играть с ней и втайне баловать вкусеньким.

– Ты мне ответь! Не молчи! – продолжала возмущаться маленькая представительница домашней нечисти, грозной фурией входя в комнату. – Куда мне всё девать?! Не ешь ничего, только куришь. О гастрите с язвой мечтаешь? Таблетки вкуснее?! Тогда давай я вообще гото-

вить ничего не буду! Себе творожка куплю обезжиренного – и хватит! А ты свои idiotские рекорды по голоданию ставь...

Иванов, сидящий на диване с книгой в руках, оторвался от чтения, поднял глаза на разгневанную труженицу кухонной плиты и веника, оценил её боевой настрой и понял – не отстанет.

– Машуля, а давай чайку попьём, – пытаюсь всеми силами избежать скандала, Сергей честно попробовал найти компромисс, но только ещё больше раззадорил свою домохозяйственную.

– Чай? – взвизгнула она. – Опять чай? – и начала перечислять, демонстративно загибая пальчики на руке. – Завтрак – чай. Сказал, что не голодный. Обед – снова чай. Говорил, что чуть позже поешь. Полдник – чай с сушками. Целых две съел, – крайне саркастично уточнила девушка, притворно закатывая глаза от уважения к такому огромному числу. – А уже ужин на носу – на часы глянь. И опять чай?! И вчера, и позавчера... который день – один чай! Не ешь ведь ничего! Целый день на диване с книжками своими мудрствуешь, а к холодильнику даже не подходишь! Нельзя так, – кицунэ и сама не заметила, как сменила тему. – Пошёл бы погулял, воздухом подышал, проветрился. Скоро из одного места корни расти начнут. Сиднем ведь сидишь. Только в магазин и выходишь, да и то, когда я заставлю.

Сергей, слушавший девушку вполуха и откровенно пропускавший её сентенции по поводу своего образа жизни, из всего текста опытно вычленил главное и опешил. Как ужин? Мельком взглянул в окно – действительно, темно уже. В доме напротив почти везде свет горит, люди в окнах мелькают. Зачитался. Опять зачитался. И опять день впустую прошёл.

Отложив книгу, парень поднял руки вверх и миролюбиво предложил:

– Пошли ужинать. Заодно и поболтаем.

Донельзя довольная своей маленькой победой, кицунэ вприпрыжку (что совсем не соответствовало статусу приличной, солидной домово́й, но ведь можно, когда никто не видит) упорхнула на кухню, а Иванов, покряхтывая, встал с дивана и принялся искать невесть куда запропастившийся тапочек. Один, как ему и положено – стоял словно правильный часовой – именно там, где его и поставили – на полу под ногами, а второго не было. Не иначе в самоволку ушёл.

Пропажа нашлась, как и следовало ожидать, совсем не там, где думалось, а наоборот – в самом неожиданном месте – за шторой. Каким образом и почему предмет домашней обуви попал именно туда – для Сергея оставалось загадкой, поскольку он точно помнил, что сегодня к окну не подходил и разувался исключительно у любимого дивана.

Впихнув ногу в удобное нутро тапочка, бывший инспектор Департамента Управления Душами с интересом заметил что-то блеснувшее в самом углу, под батареей. Нагнулся, кое-как просунул пальцы между ребристым чугуном и полом, но зацепил находку с первого раза. Осторожно вытащил, сдул пыль. Это оказалась гильза от Smith & Wesson Антона. Так вот куда она закатилась во время чистки оружия... а он её где только не искал.

Бережно, с непонятной нежностью глядя на маленький цилиндрок, место которому на помойке, Сергей пошёл на кухню. И тут накатили воспоминания...

* * *

...С момента увольнения прошло уже почти три месяца. Февраль на дворе...

За это время в жизни Сергея Иванова случилось множество больших и малых, однако в подавляющем большинстве бытовых, не откладывающихся в памяти событий, а по факту – ничего существенного. Унылая текучка и сплошные разочарования.

Швец так и не появился. Что с ним, как у него дела – Сергей не знал, но не переставал верить в изворотливость друга и его феноменальную способность обходить всевозможные правила, в избытке портящие жизнь сотрудникам Департамента Управления Душами. Раз не приходит – значит не может. Действительно не может, без дураков – иначе раздолбай Тоха точно бы наизнанку вывернулся, но весточку о себе прислал. Не мог не прислать, не тот он человек, чтобы вот так, просто, перечёркивать дружбу.

Не объявлялся призрачный инспектор и у своей подружки Розы. Она поначалу приходила почти каждый день и долго, с надрывом, пыталась вытряхнуть из Иванова хоть какие-то новости о своём ненаглядном Антоше. Потом плакала. Частенько на пару с сердобольной Машкой, которая не могла спокойно смотреть на эту трагедию и искренне сочувствовала подруге.

Потом стала заходить пореже, понимая, что своими страданиями приносит в Серёгин дом печаль и уныние. Если и плакала – то в апартаментах у домовой, где обе девушки полюбили уединяться за женской болтовнёй. Во всяком случае, за последний месяц слёз на глазах у Розы парень не видел.

Оставалось лишь ждать и надеяться, что весёлый и слегка шепутной Антон Швец рано или поздно появится на житейском горизонте.

...Оборотень Пауль, с которым Иванов неожиданно сдружился после матёрой пьянки по поводу его увольнения из Департамента, уехал ещё до Нового Года. Приличный оказался вервольф. Честный, порядочный, с неожиданно хорошим чувством юмора.

Выйдя из тени властного отца и всласть погуляв по местным клубам и ресторанам, он поначалу честно хотел осесть в городе и открыть какое-нибудь своё дело, однако после встречи с государственной машиной в лице миграционной службы плюнул на всё, тепло попрощался с новым другом и отбыл восвояси. Как оказалось – у него ещё и канадское гражданство, помимо латвийского, имелось. Звонил недавно, в гости звал...

Какие именно причины повлияли на решение сменить страну проживания – Сергей не знал, однако при одном упоминании о слугах государевых Пауль непроизвольно переходил на немецкий бранный, а его лицо норовило трансформироваться в жуткое, оскаленное волчье рыло.

Парень пробовал предложить свою помощь и поискать знакомых в этой самой миграционной структуре, чтобы «порешать» непонятные осложнения, однако правильно воспитанный оборотень гордо отказывался и становился ещё злее.

Так и уехал, не раскрыв причин. Наверное, ушлые сотруднички в погонах очень хотели поймать немножко с человека с крайне непопулярным сейчас гражданством Латвии, а насквозь европеизированный Пауль намёков просто не понял. Потому и не срослось.

Но это были всего лишь домыслы.

С Эллой тоже не слишком складывалось.

После эпичных разборок с големом Тоучем у её обожаемой бабки сильно подорвалось здоровье. Буквально на следующий день по возвращении в город субтильная старушка слегла с тяжелейшей простудой, которую наверняка подцепила в разрушенном коровнике и долго, тяжело болела, при этом семимильными шагами впадая в давно преследующий её маразм. Пришлось обращаться в больницу.

К выписке Ольга Матвеевна ещё больше постарела, подурнела и обзавелась безумными, крохотными огоньками в глазах. Разговаривать сама с собой она не прекратила, но делала это теперь невнятно, хрипло, до чёртиков пугая окружающих своим бубнёжом. Если не вслушиваться – и не поймёшь, что человек говорит. Больше на птичий клёкот смахивало.

К сожалению, старая ведьма примерно в эти же дни окончательно перестала узнавать окружающих, постоянно жаловалась на всё на свете и доставляла внучке массу хлопот, делая жизнь Серёгиной избранницы совершенно невыносимой.

Поначалу Элла честно пыталась нанять профессиональную сиделку, пусть и за дорого, однако склочный нрав впавшей в маразм бабульки, помноженный на богатый опыт травничества, мог вывести из себя и святого.

За полтора месяца пришлось сменить трёх вполне приличных женщин, согласившихся присматривать за старушкой. И если к выходкам пожилых и страдающих всевозможными формами деменции людей они кое-как привыкли, то мелкие шуточки полубезумной Ольги Матвеевны доставали даже их.

Насколько знал Сергей, одной бабуля слабительного в чай подлила да в такой концентрации, что бедную сиделку прямо с рабочего места увезли в инфекционку с подозрением на отравление. Другую – сонной травкой угостила. Элла насилу смогла её разбудить. Третью... и не упомнишь. Но тоже ничего хорошего.

После таких выходов любимой бабки пришлось молодой ведьмочке отказываться от услуг наёмных работников, не без оснований полагая, что старушка может вполне кого-нибудь из них и на тот свет по забывчивости отправить. Не рассчитает дозу декокта какого-нибудь – и всё. Ищи гроб по акции.

Элла уволилась с работы, нашла себе непыльное и малооплачиваемое занятие по удалёнке и переквалифицировалась в сиделки, полностью переехав к Ольге Матвеевне.

Иванов хотел было подкинуть денюжат на мелкие расходы, однако с удивлением узнал, что его пассия – девушка весьма небедная, из довольно богатой семьи. Родители у неё, как оказалось, жили за границей, в городе бывали лишь наездами и регулярно присылали не пожелавшей эмигрировать с ними дочери довольно кругленькие суммы, которые она предпочитала не тратить и жить за свой счёт. Потому финансовый вопрос, как таковой, Элле заботил не слишком – могла себе позволить.

Именно из-за Ольги Матвеевны отношения между молодыми людьми и стали охладевать. Каждую минуту ведьмочка переживала за бабуку, говорила о ней, постоянно звонила домой и интересовалась о самочувствии и делах, а в ставшими редкими минуты близости старалась сделать всё по-быстрому и умчаться к старушке.

Парень её не осуждал. Понимал, что это вопросы семейные и что долго так продолжаться не может – ей придётся принимать решение – вместе они или остаются друзьями. В состоянии вечного подвига никто долго жить не способен.

Но Элла пока помалкивала, а Сергей – попросту ждал неизбежного финала.

«Знаешь, – сказала домовая, когда Иванов однажды, в порыве откровенности, поделился с ней складывающейся на любовном фронте ситуацией. – Она тебе бабуку простить не может. Я не говорю, что она тебя в той истории обвиняет – судя по твоим рассказам, ведьма слишком умна для этого, но простить не может. Объяснения этому нет, просто поверь. Однако не вздумай сейчас пускать ситуацию на самотёк. Кто знает, может, и наладится всё – мы, женщины, народ переменчивый».

Вот только бывший инспектор в этом сомневался. Более того, он даже звонить Элле перестал. Не из вредности, не от обиды, но, когда тебе на девятнадцать звонков из двадцати отвечают: «Нет. Мы с бабулей сейчас кушаем/ чай пьём/ отдыхаем/ в поликлинике/ процедуры/ магазин/ прогулка в парке/ заняты» – любое желание общаться пропадает. Как будто на три буквы послали, только вежливо. Да и навязчивым чувствовать себя начинаешь, прямо преследователем каким-то.

Потому и плюнул Иванов на это дело, сердечно попросив девушку позвонить самостоятельно, если случится свободная минутка. Обиделась Элла или нет – осталось непонятным, но с тех пор она так и делала, от силы раз в неделю.

Если бы не взятые у неё книжки по ведьмовскому делу – совсем бы ничего общего не осталось...

...На изучение имеющейся литературы по колдовству Иванов поначалу честно тратил всё своё свободное время, силясь разобраться в том, как работает Сила и что с ней можно сделать. Однако получился пшик – иначе и не скажешь.

У Эллы имелись лишь книги по травничеству и несколько тонких тетрадок по ритуализму, которые Иванов фактически «проглотил» с первого раза и ещё раз пять перечитывал, силясь найти в них какой-нибудь скрытый смысл. Не повезло – не нашёл. Везде дар, конечно, упоминался, но как-то вскользь, словно сама собой понятная величина. Ни разъяснений, ни пояснений. Понимай как хочешь.

Приставал с расспросами к подружке, однако ведьмочка грустно отвечала, что такие знания, как использование Силы, или, как её величали в Европе – магии, передаются устно, от учителя к ученику. «Показывать надо, – говорила она. – Примеры приводить. Не научишься боксу или балету по книжке, как ни старайся».

Не растерявшись, бывший инспектор тут же попросил дать ему пару уроков по этой дисциплине, однако и тут его ждало фиаско. Девушка с ещё большей грустью напомнила, что она, по сути, крайне слабая травница и Силы в ней совсем крохи – в своё время бабушка её даже учить не стала этим особенностям дара – смысла не видела.

Настырный Иванов не преминул попытаться разузнать хоть что-нибудь у старой ведьмы, когда случайно попал к ней в гости – но его снова постигло горькое разочарование. Вместо ответа бабка насупилась, долго сверлила его глазами, а после, ничего не объясняя, ушла к себе в комнату. Оттуда стала ругаться, называя Сергея почему-то Петром Геннадьевичем, мастером цеха. Элла её потом долго успокаивала, а парня и вовсе попросила уйти.

Вывод, после всех этих беспорядочных попыток понять природу приобретённого дара, напрашивался сам собой – нужен учитель.

По старой памяти бывший инспектор направился было к здешней предводительнице ведьмовского профсоюза – старой и злой Яге, с которой в своё время неоднократно пересекался по службе. Но она и говорить с ним не стала. Даже на порог не пустила. Не хамила, но очень рекомендовала адрес забыть.

В причины такого поведения Сергей вникать не стал, но зарубочку в памяти сделал – припомнить при случае. Этой старой мельнице они с Антоном ведь навстречу пошли в своё время – не стали шум поднимать из-за того, что половина участниц Ведьминога Круга физиономии себе попортили кремом именно её изготовления. Интересное было дело, запутанное... со стриптизёрами и демоном.

Могла бы хоть выслушать из вежливости, карга старая...

Однако подспудно парень чувствовал истинные мотивы такого скотского отношения к себе – всё дело в отсутствии власти. Прознала, хрычовка пакостная, про его увольнение, и теперь позволяет себе смотреть на опального инспектора как на дерьмо.

Что же, знакомое ощущение. Такое после увольнения из полиции уже пришлось один раз пережить. Пока при власти ходил – всем был нужен, словно братик любимый. Телефончик пробить по базе или про человека нужного что-либо разузнать – очереди стояли из любезных и почти родных знакомцев. Все сладкие, златые горы сулили на гражданке. Каждый второй к себе в фирму звал замом и зарплату оглашал – аж голова кружилась. Да только сложилось почему-то иначе. Как только Иванова из полиции выперли – все сразу куда-то пропали, упорно игнорируя звонки старого товарища, а при встрече, отводя глаза, отделялись тоскливым: «Понимаешь... ситуация изменилась, самому есть нечего», садясь в очередной новенький автомобиль.

Сергей тогда не слишком обозлился на сложившуюся ситуацию, не искал виноватых. Вместо бессмысленных обид он просто сильно почистил круг своего общения и сделал определённые выводы на будущее.

Но именно тогда, на пороге у Яги, Иванов крепко разозлился. Не на главную ведьму, а вообще. По сути, обращаться за разъяснениями ему было больше не к кому. Ведьмаки – встретился разок, ещё на службе в Департаменте, поглядел – набор старых алкашей. Если кто-то чего-то и умеет, то либо скрывает, либо это умение настолько незначительно, что о нём и говорить не стоит.

А больше он никого и не знал.

Не особо надеясь на положительный результат, обращался Серёга и к своему компаньону по турбазе, белкооборотню Ерохе – просил свести с каким-нибудь знатоком в области Силы. Зачем, для чего – не объяснял, отмазываясь личными интересами. Парень не без оснований считал, что о своих новых талантах надо помалкивать в тряпочку, просто на всякий случай.

Компаньон не помог. На все вопросы он лишь разводил руками и клялся, что выходов на нормальных колдунов у него нет. Наверное, врал. Слишком умён и оборотист был хозяин ресторана для нечисти, слишком обширными связями обладал, чтобы не найти путёвого специалиста требуемого профиля. Скорее всего, по каким-то своим причинам не хотел обращаться к нужному Иванову человеку, даже за деньги.

Пришлось проглотить и эту горькую пилюлю.

И тут достигшая апогея злость на собственную беспомощность дала плоды. Не сразу, но именно из-за собственного упорства и постоянного анализа тех крупниц знаний, которые удалось собрать, Сергей принял решение учиться самостоятельно.

Бывший инспектор и сам толком не знал, зачем ему это нужно – Сила вела себя хорошо и не беспокоила (видимо из-за отсутствия Печати, с которой она, если верить Фролу Карповичу, бывшему шефу, входила в некий малоизученный резонанс). Казалось бы – живи себе спокойно, не дёргайся, но нет – Иванов почти физически ощущал желание разобраться в себе и своих возможностях как следует, чтобы потом решить – удалять из себя эту штуку или оставить.

Не то чтобы парень изменил первоначальное решение – избавиться от малонужных ему возможностей, просто он хотел иметь исключительно своё, никем не навязанное право на выбор и принять решение самостоятельно, без уговоров, служебных необходимостей и подковерных интриг с незримыми подталкиваниями к нужному результату.

Иначе какая же это, к чёрту, самостоятельность, когда за тебя другие решают, как тебе жить и чем заниматься?

Не затягивая, Иванов принялся за дело. Здравое полагая, что любой практике должна предшествовать хоть какая-то теоретическая подготовка, он неожиданно придумал способ пополнить свои знания о Силе.

Способ, как бывший инспектор сам себе признавался, откровенно слабый, притянутый за уши, попахивающий кретинизмом и не гарантирующий результатов, однако на полном безрыбье попробовать стоило.

Зауми в задумке не имелось никакой – один голый, хотя и запутанный, расчёт.

Идея, посетившая Сергея от безнадёги, заключалась в том, что он начал читать книги, а именно фантастику и фэнтези, в сюжетах которых тем или иным способом присутствовали маги, колдуны и прочие волшебники.

На первый взгляд – недостойная глупость, однако только на первый. При более детальном рассмотрении ситуация несколько менялась.

Парень прекрасно понимал, что приплетать к своим реалиям вымысел автора – полный бред и нелепость, достойные разве что прыщавого фантазёра, а потому он, с достойным уважением упорством, искал произведения, в которых существование и законы этой самой магии обосновывались хоть как-то логически.

Проще говоря, Иванов считал, что среди огромной армии писателей-фантастов ему обязательно попадутся умные люди, которые через свои тексты помогут подобрать подходящую теорию для понимания и обоснования базовых принципов Силы. Ведь наверняка же не он один на эту тему голову ломает? И не всем авторам хочется писать о падающих с неба на голову герою магических плюшках – некоторым из-за пытливого ума однозначно взбредёт в голову хоть как-то обосновать их появление. Чай, не рояли ведь в кустах! Тем более, других вариантов всё одно нет.

А если совсем уж начистоту – то бывший инспектор попросту искал свежие идеи таким вот оригинальным способом, втайне надеясь, что какого-нибудь настоящего колдуна обучает жажда графомании и он завуалированно поделится опытом.

Перелопатив гору литературы, продравшись через тысячи страниц откровенного шлака и внимательно изучая некоторые найденные абзацы рассуждений в очень избранных книгах, Сергей постепенно начал делать определённые выводы:

Первое – необходимо понять, сколько в нём этой самой Силы помещается.

Второе – надо разобраться, как можно (да и можно ли) самому пополнять внутренние резервы дара, а не ждать, пока запас накопится естественным путём.

Третье – необходимо пробовать пользоваться приобретёнными возможностями. Вот только как? Было слишком страшно ещё кого-нибудь нечаянно угробить.

С первым пунктом Иванов разобрался относительно легко. Просто, в очередной раз приехав по каким-то делам на свою турбазу, нашёл местечко потише и попробовал запустить в небольшой холм сгустком внутренней энергии.

Получилось не сразу, но получилось. Если тогда, во время драки с Тоучем, он швырялся Силой в ярости, не контролируя своё состояние, то теперь пришлось изрядно попотеть. Оказалось, высвобождение и относительно контролируемый запуск нужного сгустка по самоощущениям больше всего походило на открывание от себя тяжёлой, ржавой гермодвери бомбоубежища или толкание забуксовавшего грузовика до надрыва пупка. Точнее определить не получилось.

Вылетевший снап Силы довольно шумно взорвал выбранный в качестве мишени холмик, а на второй сил попросту не хватило – накатило опустошение, как будто уже вытолкал этот самый грузовик или открыл дверь, причём в одиночку. Но оно и понятно – Печати-то нет. Нет подпитки и дополнительной мощи. Исключительно внутренние резервы.

И сразу вылез новый вопрос: сколько Силы он сейчас использовал? Много или мало? И в чём, и как её мерять?

Исходя из простеньких рассуждений – много. Просто потому, что он, Серёга, не умеет, не понимает, как управлять процессом. А значит – перерасход неизбежен.

Зато бывший инспектор теперь точно знал – на один ба-бах его хватит даже сейчас, при полной некомпетентности, и Силой действительно можно управлять. Начало обнадеживало.

Ко второму вопросу он приступил уже с энтузиазмом. Способность видеть ауры никуда не делась, потому Иванов по-прежнему мог спокойно лицезреть не только людей, а и их скрытые характеристики. Почему так случилось – долго ломать голову не пришлось. Отгадка лежала на поверхности и заключалась в хронологии взаимодействия Иванова с даром.

Получалось примерно так: служебная Печать в своё время дала это умение, потом добавилась Сила из блюдечка, потом Печать изъяли, а умение осталось. Причина сохранения виделась однозначной: из-за постоянной подпитки энергией жизни возможность видеть ауры... не отключилась, что ли, из-за его увольнения, а продолжила работать, перейдя на резервный источник питания. Ну или что-то подобное.

Сергей долго вглядывался в руки, в ноги, в окружающий мир. Слушал себя, пытаюсь почувствовать наполняющий его ручеёк, однако ничего у него не вышло. Вдумчиво перекурив, он не отчаялся и принялся думать дальше...

А через полчаса парень попробовал восполнить свои запасы по-другому (тоже из книжки читаный способ): приблизился к ближайшему дереву, положил на него руки и попробовал втянуть в себя Силу. А почему нет? Оно же живое, пусть поделится. Невольно вспомнилось: обычно такими номерами раненые эльфы грешили, но всё не брали – шибко уважали лес.

Дерево почувствовалось сразу, да так сильно, что Иванов испугался и отскочил, нервно озираясь по сторонам. Опасливо посмотрел на собственные руки, испачканные чешуйками коры, нервно закурил и долго стоял, бездумно глядя по сторонам и пытаясь переварить новые ощущения: он его чувствовал! Реально чувствовал! Словно сросся с дикой деревьяшкой!

Успокоившись, решил попробовать ещё раз. Мысленно пожелав себе удачи, Сергей вернулся к дереву, снова приложил руки к холодной, шершавой поверхности. Немного трусая неизвестного, закрыл глаза и постарался полностью отрешиться от мира, сконцентрировавшись на заполнение внутренней пустоты...

По рукам пошло нежное тепло. Немножко, крохи, но какое же оно приятное... Лучше, чем мороженое в жаркий день. Наслаждаясь новым, необычным ощущением, Иванов попробовал прислушаться к дереву, понять, что в нём происходит.

...В стволе подопытного еле-еле теплилась жизнь, словно оно умирало. Холодное, беспомощное, усталое. Не растение, а древний старик на смертном одре. Бывшему инспектору опять стало страшно от непривычности, новизны переживаемого, однако через мгновение к нему пришло понимание – дерево просто спит. Зима. Всё нормально. Оно отдыхает, копит в себе Силу для продолжения жизни, для продолжения рода, для каждой, даже самой захудалой, веточки...

А он, Серёга, сейчас это чудо природы убивает, откачивая, словно упырь какой, всё накопленное с жадностью нефтяного насоса. Накатил брезгливый стыд за самого себя.

Иванов, стремясь исправить ситуацию, попробовал вернуть отнятое. Туго, словно через патаку, Сила нехотя потекла обратно. Парень приободрился, даже забормотал обнадеживающе: – Сейчас, сейчас... я не хотел. Сейчас отыграем...

Он немножко усилил напор, и неожиданно патаку словно заменили вакуумом. Из Серёги в дерево ухнуло всё, что было взято и немного больше. Он даже понять толком ничего не успел. И кто знает, чем бы всё это закончилось – истощением от перерасхода жизненных сил или лёгким испугом, однако на помощь ему пришли его собственные ноги, безвольно подкосившиеся от внезапно накатившей усталости.

Экспериментатор-естествоиспытатель, натужно дыша, грузно упал на бок, руки сами собой оторвались от ствола.

«Теперь понятно, как Печать на лечение работала – перераспределение Силы – медленно думал Серёга, лёжа в мелком сугробе и глядя на набухшие не по сезону почки на ветках. – Дело в контроле... А ведь я сейчас чуть коньки не отбросил! Вполне мог таким способом новую Буратину родить или энта какого... Вот только сам бы наверняка помер».

Продолжать сомнительные тренировки с закачкой и выкачкой жизненной энергии парень не стал. Не захотел. Отвалявшись и немного придя в себя, он отправился обратно, к книгам, искать новые ответы на свои размышления.

Третий вопрос – вопрос рационального использования Силы – оказался пока не по зубам.

* * *

– Садись суп есть! – скомандовала домовая, едва завидев Сергея на кухне. – И никаких мне «не хочу»! Ты со своим чаем худой стал, как велосипед, скоро штаны словно на пугале висеть будут! И все скажут, что я тебе голодом морю! Никто ведь не поверит, что ты сам себя, заметь, добровольно и без принуждения, до такого состояния довёл!

Парень состроил покаянную физиономию.

– Машуля, я действительно не голодный, – начал он, искоса посматривая на девушку. – Чайку попью, бутербродик какой-нибудь съем – и дальше читать. Сама ведь знаешь, зачем я это делаю.

Вместо ответа на столе, сопровождаемые небольшим стуканьем о столешницу, появились миска с супом, ложка, блюдце с ароматным, свежим, ещё тёплым хлебом, печь который кицунэ была большая мастерица.

– Ешь!!!

Поняв, что возражать бессмысленно, Иванов послушно сел за стол и механически принялся хлебать золотистый бульон, в котором весело плавали шампиньоны с зеленью. Вкуса он не ощущал – просто делал работу. Сказала Машка съесть – съест, ему не сложно. Пусть ей будет приятно.

Домовая между тем уселась напротив, шикнула на собравшуюся было пройтись с подоконника по столу Мурку, подпёрла щечку кулачком и, дождавшись, пока в Серёгиной тарелке останется на самом доньшке, печально сказала:

– Хватит, не мучай себя. Вижу – через силу ешь, вкуса не чувствуешь. Положи ложку.

Иванов с недоумением уставился на свою домохранительницу – Маша разрешает не есть? Нет, мир точно перевернулся...

– Ну, что смотришь? – с печалью в глазах продолжала кицунэ. – Всё я понимаю. Тяжело тебе, переживаешь, оттого кусок в горло и не лезет. С работы попёрли, друг пропал неизвестно куда, оборотень, с которым ты почти подружился, свалил за океан. С девушкой проблемы, с Силой этой твоей – тоже непонятно. Сплошная, как теперь модно говорить, чёрная полоса наступила в жизни. Да... Тут кто хочешь на стенку полезет от безысходности. А ты крепкий, не гнёшься... Хочешь – верь, хочешь – нет, но я до сих пор удивляюсь – как ты в запой не ушёл по вашему мужицкому обычаю? Восхищаюсь... нет, правда восхищаюсь! Выдержал, с депрессией бороться пытаешься...

Сергей, очень внимательно слушавший новоявленного домашнего психолога, донельзя удивился такому повороту Машкиного монолога:

– Какой депрессией? Я им вроде не подвержен.

– Ага! Сейчас! – не согласилась домовая. – Тогда растолкуй, как назвать человека, который будто Кашей над книжками чахнет? Не ест толком, спит плохо, весь такой на результат нацеленный да зацикленный. С лица спал, щеки ввалились, того и гляди – бросит тебя Элла! Я с ней хоть и не знакома лично, но в это верю.

– Уже, фактически, бросила, – начал сердиться парень. Но на кицунэ это не подействовало.

– И правильно сделает! – убеждённо сверкнула она глазами. – Кому такое, извини за прямоту, фуфло нужно?! Сидишь, как древний дед, будто у тебя в жизни ничего хорошего не было! Ни на улицу не выходишь, да... – у девушки аж дыхание спёрло от праведного возмущения, – да никуда не выходишь! Закуклился, словно гусеница в кокон, и ждёшь неизвестно чего! Именно это и есть депрессия! Я в интернете читала! – победоносно, как ей казалось, припечатала Машка.

Иванов хотел было возмутиться, однако передумал. Не то чтобы парня очень задели слова девушки – он прекрасно понимал, что таким провокационным образом домовая пытается его расшевелить, но вот замечание про отсутствие радостей укололо больно. Укололо тем, что вот так, с первого раза, вспомнить о них и не удалось. Пришлось напрячься...

* * *

...Ванька. Именно немой стал отдушиной в череде неприятностей и неудач последних месяцев. Умница-Маша, конечно, делала всё, что могла для блага обожаемого домовладельца,

однако все расстройство по поводу несправедливого, по мнению Сергея, увольнения убрал именно он. И, как всегда, без спроса или согласования.

А случилось это в первый приезд на турбазу после памятного разговора в ресторане с шефом. Едва завидев теперь уже бывшего инспектора, блаженный сразу подошёл к нему и с возбуждённым мычанием схватил за правую ладонь, после чего долго, больно ковырял её, неодобрительно хмурясь и цокая языком.

– Нет больше Печати, – честно сообщил ему Иванов. – Нет. Выгнали меня с работы.

Такая новость Ванечке не понравилась. Он ещё больше насупился, но руку отпустил. Так и стояли – друг напротив друга. Один сгорал от непонятного стыда из-за своего увольнения, другой о чём-то усиленно размышлял.

Через пару минут блаженный, до чего-то явно додумавшись, занервничал, поводил своими ладонями над Серёгиной головой, затем обошёл его по кругу, внимательно рассматривая. Бывший инспектор немому чудика не мешал – знал, просто так он дёргаться не станет.

А дальше началось совсем уж удивительное.

Что-то мумукнув на своём, Ванечка крепко схватил парня за рукав и целеустремлённо потащил к сработанной домовыми часовенке. Имелась такая в укромном месте, специально для него сделанная.

Не сбавляя хода, он ловко открыл дверцу и втянул Иванова внутрь, поставив изумлённого парня строго посередине крохотного помещения. Посмотрел на иконы, на горящую перед ними свечку, на Серёгу. Снова поводил руками. Потом улыбнулся.

Улыбнулся той самой, светлой, жизнерадостной улыбкой, от которой теплело на сердце – словно радостью окатил.

И подмигнул. Озорно, задорно, весело, по ребячьи, словно подбивал соседскую яблоню обнести ночью, пока хозяева спят.

– Ты чего, Вань? – обескураженно поинтересовался бывший инспектор.

Вместо ответа немой ткнул ему пальцем в правую ладонь, потом поднял вверх руку, а затем, шаловливо сощурившись, опустил её в интернациональном жесте «да и хрен с ним» или «забей».

И тут сами собой вспомнились когда-то слышанные слова Фрола Карповича о том, что блаженный в таких делах не ошибается и раз уж посоветовал на собственное увольнение забить, оставить его воспоминанием в безвозвратном прошлом – то так и нужно сделать. Для нервов спокойнее.

– Ванька... спасибо, – от чистого сердца бормотал Серёга, осознавая, как понемногу с души спадает камень.

* * *

– Зря ты так, Маша, – преувеличенно-постно поджав губы, заговорил парень. – Нет у меня депрессии, врут всё в этих твоих интернетах. У меня – паранойяльный синдром!!! – состроив зверскую рожу, замогильным голосом прохрипел Сергей, сделал страшные глаза и, пародируя киношного зомби, попытался понарошку схватить кичунэ за косу.

Легко уклонившись, девушка рассмеялась. Искренне, переливчато, будто в серебряный колокольчик звонила. Таким Иванов ей нравился куда больше, чем печальный, угрюмый и остервенело вперившийся в очередную книжку.

Быстренько доев суп, домовладелец, к вящей радости своей домовой, испросил чаю с пирогом. Съел кусочек, потребовал второй. Машка была на седьмом небе от счастья, даже слезу украдкой смахнула, буквально порхая по кухне с тарелками. Наконец-то удалось хоть что-то съедобное затолкать в этого непутёвого обалдуй! Не зря, значит, старалась...

Покончив с мойкой посуды и ещё раз напомнив Мурке о запрете лезть на стол, кицунэ неожиданно робко, как всегда происходило в случаях, когда ей приходилось лезть в Серёгины дела или сообщать страшную, по её мнению, новость, попросила:

– Выслушай меня, пожалуйста.

Несмелый тон несколько напряг бывшего инспектора, однако виду он не показал. Слушись что-то по-настоящему серьёзное – домовая бы не затягивала, давно сказала. Значит, мысли с рассуждениями станет излагать. Послушаем...

– Конечно говори, – не стал возражать Сергей. – Мне интересно, и ты прекрасно знаешь, что я ценю твоё мнение.

От такой неприкрытой лести девушка покраснела, против воли вильнула своим прекрасным лисьим хвостом. Почувствовала от этого себя неуютно – слишком по-щенячьи вышло, потупилась, снова вильнула хвостом – теперь уже от смущения. В сердцах топнула ножкой, разозлившись на такое неподобающее поведение пятой конечности, доставшейся в наследство от мамы – настоящей японской кицунэ, оставившей Машку ещё в младенчестве, и решительно уселась на табурет – так предательский хвост хотя бы не виден. Стол прикрывает.

– Я вот чего подумала, – осторожно начала она. – Помнишь, ты говорил, что тебе тренироваться надо для понимания своих возможностей?

Сергей кивнул.

– Да. Помню. Только пока не додумался, как и где. Сгустки запускать – глупо, потом Сила минимум неделю восполняется; у деревьев жизнь сосать – уже могу, научился. Но не буду. А больше я пока ничего и не придумал, чтобы и по силам, и по уму – как ни старался.

Домовая сделала умное лицо:

– Знаю. И ещё знаю, что ты эти... ауры видеть способен остался. Вот я и подумала – тебе для тренировок заколдованное место нужно.

– Чего? – переспросил Иванов, не до конца осознавая, что именно имела в виду умненькая Машка.

– Место найти... плохое, – и, видя на лице своего любимого домохозяина по-прежнему полное непонимание, затараторила. – Сейчас объясню. Я, как девка деревенская, знаю, что самая распространённая тёмная ворожба – это проклятие. У нас все всех проклинали не по разу, особенно после посиделок. Не опасно – не ведьмы, чай. Но, если довольно сильно проклинали или ритуал какой исполнили – след должен оставаться? Верно?

Сергей прикинул:

– Ну, в принципе, да... Должно. Я своими глазами не видел, точнее не всматривался, но вполне допускаю. Дальше давай! – ему стало интересно.

Девушка согласно кивнула.

– Вот я и рассудила – а если тебе найти такое вот проклятое место и на нём потренироваться, вокруг походить, попробовать его и так, и этак... Не слишком опасное, а так... старое проклятие, почти безвредное. Его ведь совсем не жалко! Можно даже спалить, если захочется – хуже точно не будет!

У парня отвисла челюсть.

– Машуля, ты как до такого додумалась? – ошарашено пробормотал он.

Кицунэ улыбнулась:

– Ты книжки читаешь, а я фильмы смотрю, – и рассмеялась, глядя на вытянувшееся от удивления лицо Серёги. – Шучу я, шучу. Просто вспомнила твой рассказ про нехорошие места. Ну, те – в которых смертоубийство большое раньше было и что ты их чувствовать способен через э-ма-на-ци-и, – по складам выговорила она трудное слово. – Вот и подумала – туда идти, наверное, рановато, а проклятье, точнее место нехоршее – в самый раз. Должно получиться. У нас в деревне после ссор почти всегда сено проклинали и ворота, чтобы, значит, у коровы молока не было и брюхо постоянно болело. Так себе, если честно, получалось – почти нико-

гда не работало. Наверное, потому, что без особого зла делалось, из вредности больше... Все друг другу, почитай, родня. В городе немного не так. Тут народ злее, злопамятнее, а значит, и всяких нехороших мест больше. Просто поискать надо. И ещё один аргумент имею, – домовая важно подняла вверх указательный пальчик. – Места – не люди. Если и напортачишь чего – жаловаться не побегут.

Иванов, долго молчал, обдумывая услышанное со всех сторон и с каждой секундой всё больше проникаясь идеей девушки, потом шлёпнул пятернёй по столу и с жаром заявил:

– Умная ты у меня, ещё и красавица! Завтра же начну! «Плохое» место – чем не тренажёр для начинающего колдуна. Не получится – что-нибудь другое придумаем! Главное – начать!

«А заодно и воздухом свежим подышишь, и делом хоть каким-нибудь займёшься» – подумала Маша, но вслух ничего не сказала.

История первая. Право на выбор. Глава вторая

Часы показывали уже первый час ночи, однако сон к Сергею не шёл – из головы никак не хотела уходить Машкина идея по поводу проклятий и «плохих» мест. Вертелась она и так, и этак, при обдумывании выталкивая на передний план целую кучу самых разных вопросов, но от того не становясь менее привлекательной.

Принципиально Иванов ещё вечером окончательно и бесповоротно решил для себя, что обязательно стоит постараться реализовать придумку домовой. Замысел-то сам по себе весьма интересный... В конце концов – что он теряет? Ну не получится – ничего страшного, переживёт.

На одних книжных рассуждениях далеко не уедешь, это даже дураку понятно. А так хоть какая-то практика. Пробовать надо, пробовать... Только как? Ну, допустим, найдёт он подходящее местечко – и что дальше? Походить вокруг, посмотреть? Сгустком по нему приложить из научного интереса? Или рискнуть немножечко, дозированно, так сказать, Силу использовать? Ага, уже теплее... выработка контроля однозначно нужна. Без неё нельзя.

Представим, что получилось... Тогда какие должны быть результаты? Как их разглядеть? Вполне возможно, что и никак. В таком случае как разобраться, что получилось, а что нет? Эх, спросить бы у кого...

Чтобы хоть чем-то себя занять, раз уж заснуть не получается, пошёл на кухню, заварил чай, тайно угостил Мурку кусочком мяса и закурил, тихонько приоткрыв окно и глядя в ночь. Пахнуло освежающим холодом. Чуть поёжившись от сквозняка, бывший инспектор тотчас забыл о нём и принялся думать дальше.

...Как пояснял приснопамятный Фрол Карпович – природа у Печати и Силы одна. Разница только в том, что служебная метка специальными символами усилена и ими к владельцу привязана, заменяя ему колдовской дар. Своеобразный нафаршированный девайс широкого профиля, если на современный язык перевести. Тут тебе и колдовской детектор, и удостоверение личности, и мобильная аптечка – три в одном, как в шампуне.

Ну и допощии в Печати имелись, узкоспециализированные, в виде развоплощения и подсветки. Подсветка... Сергею стало интересно, а сможет ли он её повторить? Полезная ведь штука была – помогала заклинания обнаруживать, а ещё как фонарик при необходимости работала.

В принципе, почему нет? Если использовать Силу с умом, то должно получиться. Файерболы-сгустки то светятся...

Бывший инспектор уставился на свою правую ладонь так, словно она могла ему ответить. Другой ладонью почесал в затылке. Попробовать? Или нет?

Колебался Серёга лишь доли секунды – на него напали азарт вместе с любопытством истинного первооткрывателя. Ему вот прямо сейчас, прямо сию секунду было жизненно необходимо узнать – сможет ли он вызвать то самое свечение или нет? Или неподвластно ему такое умение?

Недолго думая, Иванов повернул ладонь вверх и постарался ощутить не ревущий ком внутри себя, а маленький, крохотный сгусток. Не получилось.

Парень не расстроился. Он и не ждал, что удача улыбнётся с первого раза. Потому вместо новой, наверняка обречённой на провал из-за собственной поспешности, попытки, Сергей заставил себя спокойно попить чаю, выкурить ещё сигаретку и хорошенько подумать – почему не получилось?

Может, всё дело в неправильном подходе непосредственно к самой Силе? Вполне может быть...

А если попробовать просто, без умствований, почувствовать непосредственно всю... ну, пусть будет для удобства терминологии, «энергию» в себе? Не выбрасывать её наружу, не стремиться избавиться от разрушительной мощи, а разобраться, понять полученный дар?

Серёга попытался сконцентрироваться, отрешиться от окружающего мира и... кто-то ткнулся в бок, одним махом разрушая все благие намерения. Скопил глаза – Мурка. Накушалась и пришла требовать внимания на любимый подоконник. И плевать ей на всё. Гладьте!

– Зараза ты, – беззлобно констатировал парень, проводя рукой по мягкой шёрстке. Кошечка довольно заурчала, а внутри, сразу и не скажешь где именно, неожиданно явственно ощутилось нечто непонятное: не злое, мягкое, согревающее, одновременно податливое и мощное, и почти своё, родное. Словно море в штиль.

Вот, значит, какое оно, озарение на ровном месте...

И сразу, вслед за просветлением, пришло понимание, что и как именно следует делать, поражая своей простотой и изяществом. Не нужно грубости, не нужно всё портящих рывков на грани. Проще надо быть, безмятежнее. Потребовалось немного Силы? Отщипни, сколько необходимо и пользуйся на здоровье.

Боясь спугнуть удачу, Сергей ласково потрепал Мурку по голове и снова переключился на задуманный эксперимент. Он медленно, со всевозможными предосторожностями, принялся представлять, как из безбрежной водной глади по крохотному каналу устремляется маленький ручеек. Прямо вот крошечка, струйка...

Пошло... пошло...

В правой руке почти незаметно, на грани восприятия начало разливаться управляемое, лёгкое тепло, вызывая своим появлением еле сдерживаемый, дикий восторг от собственной крутости и добавляя ещё больше энтузиазма в желание познать себя, свои возможности. Через пару секунд Иванов уже вполне нормально чувствовал, как тоненький, не толще нитки, поток медленно подбирается к его пятерне. Ведёт себя спокойно, послушно, будто земляной червячок в тоннеле.

Вот... вот... уже почти у поверхности...

Из-под кожи начало пробиваться лёгкое свечение, парень, восторженно глядя на него, даже затаил дыхание, на всякий случай прикусив язык. Насквозь пропотевшая от внутреннего напряжения футболка прилипла к лопаткам, а на кончике носа повисла дрожащая капелька пота. Но бывший инспектор решительно не замечал всех этих мелочей. Он творил...

– Серёжа! Ты чего не спишь? – как гром среди ясного неба раздалось за спиной.

От неожиданности экспериментатор вздрогнул, на мгновение потеряв контроль над потоком. И всё пошло к чёрту. За какие-то сотые доли секунды послушный ручеек превратился из уютного червячка в стальную спицу, бесконтрольно выстрелившую наружу.

Тонкий лучик ударил в занавеску, прожигая её насквозь, потом в бетонное перекрытие над окном, сделав там небольшое, узенькое отверстие глубиной в пару сантиметров. Больше бед беглец натворить не успел – новоявленный, до одури перепугавшийся колдун-недоучка неизвестно каким чудом смог обуздать рванувшую на свободу, будто доberman на прогулку, Силу и загнать её обратно.

Иванову жутко захотелось спрятаться от реальности или отмотать время назад, хотя бы на несколько секунд.

Не понявшая, что, собственно, происходит и не менее парня перепуганная Мурка с диким мявом, взъерошенная, ураганом пронеслась по столу, мелькнула в прыжке и юрко исчезла за холодильником, а за спиной кто-то вредный, с голосом домовой, по-прежнему никак не успокаивался:

– Ты совсем ополоумел – дырки в занавесках клепать?! Или дом разнести к одной бабушке хочешь?! Это что такое?! Ты что творишь?! Да ты понимаешь?..

Но Сергей решительно отказывался замечать всю эту лавину неинтересных упрёков – он уже успокоился и теперь с неподдельным интересом смотрел на обугленную дырку в занавеске. А ещё он был безмерно счастлив. Получилось! Разобрался! Пусть и не совсем так, как изначально планировалось – ничего страшного, потом отполирует умение. Душу стала заполнять законная гордость: он, Серёга Иванов, всё может, если захочет – и жуликов с нечистью ловить, и намагичить при необходимости, и...

– ...ать!!! – зазвенело в ухе.

Парень поморщился, обернулся к источнику докучающих звуков и непонимающе уставился на озверевшую домовую, пытающуюся добиться от него хоть какого-то ответа на свои обвинения.

А ей чего надо среди ночи? Тоже бессонница? Или догадалась, что кошку подкармливал, и не поленилась прийти поскандалить по этому поводу? Неужели с такой мелочью до утра подождать не могла? Отвлекает ведь...

В гневе Машка была прекрасна: руки упёрты в бока; глаза горят праведным гневом и жаждут мщения за безвозвратно попорченную любимую занавеску; лисьи ушки торчком и задорно выбиваются из небранной по ночному времени причёски «воронье гнездо»; хвост нервно подрагивает кончиком, непрерывно возникая то с одной, то с другой стороны девушки.

Почти страшная картина. Была бы страшной полностью, если бы не заставляющие улыбнуться, вызывающие умиление коротенький светлый халатик, разрисованный здоровенными божьими коровками и розовые мягкие тапочки с кроличьими мордочками. Прямо классический аниме-персонаж, а не грозная домовая.

Глядя на неё, Сергею до одури захотелось поделиться со своей домохранительницей хорошими, по его мнению, новостями.

– Маша, я...

– Ты! Ты, разрушитель вредный, головой своей думаешь?! – с азартом подхватила кицунэ, заметив, что ей наконец-то удалось докричаться до парня. – Я испугалась! Мурка испугалась! А если бы убил кого?

Радость бывшего инспектора несколько померкла, но полностью не испарилась. Он неожиданно подхватил девушку под руки, оторвал её от пола и подкинул вверх, будто весёлый отец любимую дочку-малышку.

– Машуля! У меня получилось, понимаешь? С первого раза получилось! Самому не верится!

Ошалевшая кицунэ даже сказать ничего не смогла от навалившегося изумления. Её, порядочную домовую, подбрасывают вверх, как пупса неразумного! Может, ещё и поагукать нужно?!

А перевозбуждённый своими новыми возможностями парень категорически не замечал гнева и растерянности повисшей между полом и потолком домохранительницы. Подкинув девушку ещё разок, он усадил её себе на сгиб левой руки и хотел было показать ей, как именно вырвался лучик Силы, под каким углом прошёл через эту никому не нужную занавеску и попал в бетон перекрытия, как вдруг в ухе мрачно раздалось:

– Шарики.

Иванов ошалело уставился на Машу. Сейчас смотреть глаза в глаза было удобно – исчезла разница в росте.

– Чего?..

– Шарики, – сжав губы в нитку, упрямо процедила кицунэ. – Шарики забыл.

– К-какие... шарики? – окончательно потерявшись и чувствуя себя дураком, осторожно переспросил Сергей.

– Красивые. Большие. Три. Один обязательно в форме лошадки.

– Но зачем?!

Домовая фыркнула и серьёзно, без намёка на улыбку, произнесла:

– Раз взялся меня, как дитё неразумное, нянчить и на руках носить – покупай шарики. И мороженное. И поехали в парк. И в цирк. И на метро кататься.

Сергей обалдел окончательно. Он не мог понять – сейчас кицунэ шутит или случилось страшное – он её в порыве неконтролируемой радости нечаянно головой о потолок приложил, когда подкидывал. Да нет, вроде характерного стука не слышал...

Или не заметил?

От такой перемены в её поведении парень слегка занервничал и на всякий случай аккуратно, будто хрустальную статую, поставил домовую на пол, со страхом выглядывая место ушиба на девичьей головке.

– Вот так-то лучше, – продолжая хмуриться, заявила Маша, сделав пару шагов в сторону. – Не справляешься, значит, с ролью папаши, да? Вот и не хватай приличных девушек без спроса – иначе они тебе глаза повыцарапывают. А то – ишь ты, вверх подкидывает, на ручки берёт неудобно...

После столь длинной и внятной тирады Иванов слегка успокоился и за умственное здоровье кицунэ больше не переживал. А ещё бывшему инспектору стало очень интересно, до чего может договориться его домохранительница в порыве маленькой обиды. Скандала уже точно не будет – перегорела она, а вот выдать какой-нибудь сногшибательный перл и в запальчивости не оценить его по достоинству – могла вполне.

– А как надо? – поинтересовался парень?

Машка вздохнула, посмотрела на него снизу-вверх и, нравоучительно подняв пальчик, ответила:

– А никак не надо. Взял девушку на руки – готовься к тому, что она к тебе на шею перелезет. Мы эквилибристки ещё те... и не заметишь. Потому думай, прежде чем что-то делать.

Серёге захотелось ответить какой-нибудь шуткой в стиле «откуда тебе-то знать», однако неожиданно вспомнилось, что его домохранительница родилась ещё перед Второй Мировой войной и по человеческим меркам она глубокая старушка, а значит жизненного опыта, как и житейской мудрости, у неё полным-полно. Потому оставалось лишь прикусить язык и осознать, что не любит Маша такого вот бесцеремонного обращения. Воспитание не то.

– Извини, – прочувствовав ситуацию, искренне попросил прощения бывший инспектор, опускаясь на колено. – Ну хочешь, побей дурака неразумного...

Суровое личико кицунэ озарила улыбка. Вместо ответа она неожиданно щёлкнула Иванова по носу и с воплем: «А-а-а, повёлся!», ловко юркнула под стол. Парень сунулся было за ней, однако неожиданно высунувшаяся ручка из-за задвинутого под столешницу табурета отвесила ему увесистый щелбан, после чего Машкин голос победно и торжественно возвестил:

– Два – ноль! Играем дальше!

Только тут до Серёги дошло – девушка, воспользовавшись ситуацией, его разыграла. Накричалась, отвела душу и решила повеселиться. Настроение снова поднялось к верхнему пределу радости, достигнув почти что нижней границы счастья. Неожиданно захотелось праздника и отомстить за подколку – в голове сама собой даже появилась замечательнейшая идея для ответного розыгрыша, однако парень решительно перенёс всё на потом.

Два – ноль! Такое прощать нельзя!

Растопыренная пятерня молнией метнулась под стол, пытаясь сцапать вёрткую вредину, но кицунэ уже там не было. Воспользовавшись своими талантами, домовая отвела глаза парню и теперь почти материализовалась у него за спиной, азартно отводя ножку для дружеского пинка пониже спины.

Ей не повезло. Иванов краем глаза заметил неумолимо приближающийся к его пятой точке розовый тапочек и, не успевая уклониться, попросту плюхнулся на пол, подставляя руку.

– Так не честно! – взывала девушка, стукнувшись стопой о довольно твёрдое мужское предплечье и отскакивая в сторону. – Теперь синяк будет!

Отбиться от такого обвинения, как участие в создании гематомы, Иванов попросту не успел. Машка показала ему язык, хихикнула и авторитетно объявила:

– Три – ноль! Я победила! Давай чай пить, раз уж ты мою любимую шторку спалил, дырку в бетоне сделал и чуть дом не взорвал. Тебе покрепче или послабее заваривать?

– Покрепче, – в который раз удивляясь женской логике и пытаясь понять ассоциативную цепь «пожар-дыра-чай», попросил парень. – Всё равно сна ни в одном глазу.

* * *

К утру счастливая эйфория немного спала, и бывший инспектор умудрился всё же задремать на пару часов. К огромному удивлению, встал он как обычно – в семь утра, бодрый и полный сил, словно в безбашенные студенческие времена. Маша уже хлопотала на кухне.

Наскоро позавтракав, Иванов пожелал домовой хорошего дня, оделся и отправился на улицу, полный решимости претворить в жизнь свои ночные рассуждения. Чего тянуть?

Пока шёл через дворы к проспекту, многоопытно балансируя на тротуарах, укатанных до состояния олимпийских конькобежных дорожек, и сам не заметил, как впал в задумчивость. Причём, тема для размышлений была выбрана довольно интересная: «Почему мы ничего не знаем о магах?». Взятая эта, основополагающая мысль, ясное дело, не с кондачка.

Сергей прекрасно понимал, что вчерашняя удача с контролем Силы – не более чем обычная случайность. Если не врать самому себе, то вывод прост, как железный лом: он – никто в этом деле, даже на недоучку не тянет (тех хоть чему-то учили). И, тем не менее, он кое-что, пусть криво и коряво, однако сумел сделать. Да – сущие слёзы. Да – бестолково. Но ведь ему никто ничего не объяснял и не показывал!

А, значит, напрашивается следующий, не менее простой вывод, гласящий, что ему, Иванову, вполне доступно методом проб и ошибок, пусть и за годы упорных изысканий, приобрести кое-какие знания в обращении с Силой. Дальше – ещё проще: есть знания – соответственно, есть возможность их передать гипотетическим ученикам, которые могут развивать тему и дальше, получая всё более и более высокие результаты. Только где они?!

Ну не один же он колдун на планете! Наверняка и другие есть, поопытнее и помудрее. Да хоть в той же Чехии, куда его сватали в своё время.

Плюс талантливые самородки, имеющие дар, плюс люди с потенциально-нераскрытыми возможностями, плюс всякие наследственные ведьмаки и ведьмы – список огромный получается, много народу.

Но дело сейчас не в наставнике, не в последователях, а в том, что раз можно самому чего-то в познании Силы достичь – то всяких выскочек с замашками Наполеона должно быть в избытке, хоть экскаватором черпай. Научился файербол дешёвенький запускать – и всё, объявляй себя избранным! Лезь в телевизор на центральные каналы – там таких любят. А если ещё и обучение пройти – то почти Мерлин! Ну и настоящий Тёмный Властелин должен хотя бы раз в сто лет объявляться! Такой, от поступи которого дрожит земля! Иначе чушь получается.

Но нет – ничего такого Иванову слышать не доводилось. Нечисти вокруг полно, ведьмаков с ведьмами хватает, упырей всех мастей в избытке, бесы с демонами по земле относительно спокойно шляются – и все словно в параллельном мире существуют, хотя живут среди нас. Парадокс, да и только: они есть – и никто о них не знает. Так не бывает... два мира сразу. Почему? Ну, с нечистью относительно понятно, хотя и к ней вопросы имеются, а вот люди – с ними сложно. Слишком жадны и властолюбивы, чтобы незаметно, по мышиному существовать. Нет, тут что-то не то...

Вспомнился рассказ Марека про геноцид алхимиков с колдунами в средние века. Всех толковых сожгли? Даже не смешно. Разборки, как помнилось, были больше политические, нацеленные на оборзевших не по масти всяких умников. Кого надо – наверняка оставили в живых и отмазали, кто-то сумел спрятаться и пересидеть смутное время, а кто-то нырнул в лоно церкви и благополучно продолжил заниматься своим делом под её покровительством. И они не оставили после себя учеников? Бред.

...В общем, при детальном рассмотрении вопроса складывалось впечатление, что либо таких, как он, Серёга, действительно мало – во что верилось откровенно слабо; либо поголовье умеющих пользоваться Силой и любая самодеятельность в данном вопросе кем-то очень жёстко контролируется.

Скорее второе. Но кем и для чего?

А ведь вполне допустимо существование и третьего, и четвёртого вариантов развития ситуации с колдунами, возможно даже пятого и шестого – просто о них ему пока ничего не известно.

Поломав ещё немного голову и ни до чего не додумавшись, Иванов наконец-то выбрался на проспект и осмотрелся, выбирая, в какую сторону идти искать «плохие» места.

* * *

Всё оказалось проще некуда.

Всматриваясь в ауры прохожих и внимательно вслушиваясь в собственные ощущения, Сергей довольно быстро и без проблем обнаружил искомое. Нет, никаких чёрных пятен или липкой магической дымки, так любимых разномастными авторами, увидеть не удалось – обычный кусочек городского пейзажа.

Зато удалось почувствовать. В определённом месте широкого тротуара, ведущего в центр города вдоль проспекта, ему стало не по себе. Гнусно, неуютно, отчётливо отдавало какими-то тухлыми, оставляющими привкус гнили на языке, эманациями. Будто дохлую кошку в микроволновку сунули. Почти физически преодолевая внутренне отвращение, подошёл, присмотрелся.

Обычный асфальт, бордюр, урна, ступеньки, дверь какого-то магазина или офиса на первом этаже жилого дома, окурки на грязном снегу. Пейзаж настолько обыденный, невзрачный, что даже сомнения возникли – не ошибся ли?

Гниль никуда не уходила, но и не усиливалась. Получается – ощущения не врут, явно «плохое» место. Бывший инспектор ещё больше напрягся, пытаясь понять – есть опасность для него или нет? Пройти мимо или остаться?

Постоял с краю минут десять, ожидая сам не зная, чего и вслушиваясь в себя. Спроси сейчас у Серёги кто-нибудь, почему он торчит с глупым лицом почти посреди людского потока – Иванов бы и сам внятно не ответил.

Парень ждал, привыкал к новому чувству, осторожничал. Где-то в подсознании ему казалось, что в случае опасности должен заранее сработать какой-то внутренний звоночек, предупреждающий о неприятностях. Маячок этакий, или сирена. Откуда взялась такая уверенность – новоявленный исследователь Силы не знал, однако предпочёл со счетов её не сбрасывать и проверить при случае.

К огромному облегчению, никаких внутренних голосов или ревущих тревожных гудков Иванову так и не явилось, а чувство самосохранения вообще помалкивало, будто его и нет.

Значит, всё не так страшно.

Посчитав предварительную подготовку оконченной, Сергей решительно, сурово зашёл в обнаруженное «плохое» место. И ничего ровным счётом не произошло, просто немного изме-

нились самоощущения – словно теперь ту же самую дохлятину нюхаешь стоя по щиколотки в канализационных стоках. Ещё более неприятно, но тоже вполне терпимо.

– Козлы вонючие! Уроды! Чтоб вам пусто было! – в сердцах заорал кто-то женским голосом совсем рядом с парнем.

Иванов автоматически посмотрел на источник шума. Это оказалась простоватого вида тётка в дешёвеньком пальто, боком выходящая из стеклянных, тяжёлых дверей на улицу и, судя по горящему от ненависти, немного безумному выражению лица – сейчас ненавидящая весь мир.

– Вонючки! – проорала она в уже закрывающуюся дверь. – Кровопийцы!

Сергей поднял глаза, выискивая вывеску или табличку с названием заведения, из которого вышла разгневанная дама. Нашёл сразу. Прочёл. Губы тронула усмешка. Кто бы сомневался...

Прямо над головой женщины располагалась до боли знакомая, имеющаяся чуть ли не в каждой подворотне, всё объясняющая, броская надпись:

«Деньги сразу! Займы для всех! Скорая финансовая помощь!»

– Чё лыбишься, урод?! – решила оторваться неизвестная тётка на непричастном к её денежным затруднениям парне. – Весело тебе? Ничего, не стой, заходи – и тебя по полной обуют. Тьфу! – и она, быстро сбегая по ступенькам, ловко плюнула Серёге под ноги, после чего растворилась в людском потоке.

Скандалить Иванов не стал. Ну её, было бы из-за чего настроение портить. Он хоть эти конторы микрозаймов и не любил, но прекрасно понимал, что все обиженные ими кредиты не под автоматом брали, а лишь потому, что давали. А у нас как – где дают, туда народ и ломится, и подписывает всё, не особо вчитываясь в условия и совершенно не задаваясь вопросом, почему в банке семь потов сойдёт, пока все бумаги на кредитную линию оформишь, а здесь паспорт, налоговый номер, пара подписей на нечитаемом бланке – и вот они, денюжки!

А напоминание о погашении – оно всегда внезапно, всегда в самый неподходящий момент наступает. Именно когда денег нет и в обозримом будущем не предвидится.

Потому и копятся проценты, потом проценты на проценты, потом разборки с коллекторами и прочие, крайне неприятные, штуки.

Невольно вспоминается бессмертное «на дурака не нужен нож...». Сами ведь голову в петлю суют, сами... Хотя помогать прилаживать эту петлю на шее заёмщика – тоже выдающееся скотство. За один рубль брать десять – это не бизнес, это грабёж.

Финал взаимоотношений населения с ростовщиками тоже незамысловат и известен. Кто поумнее – стремятся договариваться с этими помоечными конторами, находят вторую работу, сжимают зубы, утягивая поясной ремень и кляня себя за дурость и, кое-как расплатившись, получают серьёзный урок на будущее. Кто потупее – ищут новый кредит, чтобы хоть немного рассчитаться по старому, петляют, врут, жалуются, прячутся, обижаются, ищут правды в судах – как правило, безрезультатно.

Единственное, что роднит тех и этих – проклятие. Проклинают эти «ссудные» кассы все. Каждый по-своему, но результат один – место действительно «плохое». Хорошо хоть, что не на конкретного человека вся эта гадость заточена, а так, вообще... словно сливная яма для негативных эмоций.

В общем, Иванов пришёл по адресу – именно такое местечко он и искал. Вот только что дальше? С Силой не поэкспериментируешь – люди кругом, стоять столбом под конторой микрозаймов тоже глупо – ещё решат, что он психически больной или ограбить хочет. Вызовут тревожной кнопкой охрану – объясняйся потом...

Немного подумав, Сергей принял решение идти дальше, признав более чем удовлетворительными результаты своей первой попытки в практическом применении полученного дара

среди людей. «Плохое» место нашёл? Нашёл. Ощутил? Ощутил. Даже границы примерно определились. Для начала хватит.

И как он раньше таким толстокожим был? Ни Силы, ни всяческих эманаций толком не различал? Наверное, дело в отобранной у него Печати, блокировавшей зачатки полученного из блюдца дара. Ну и не надо было, чего уж душой кривить. Служебная метка всё сама делала, автоматически – он и не вникал, как она работает. Просто пользовался, принимая как данность.

* * *

К вечеру Иванов смог найти ещё семь аналогичных пятен.

– Злой у нас народ, злой, – философски бормотал он, неспешно направляясь домой и с удовольствием любуясь на падающие с неба редкие снежинки. – Любят пожелать ближнему своему чего-нибудь этакое, с подвывертом и в три этажа. Добрее надо быть...

...День прошёл насыщенно, результативно как в хорошем, так и в не очень, смысле.

Из позитивного – к вечеру Сергей мог без особых осложнений ощущать всякие плохие места, а мог и попросту не замечать их – всего лишь стоило отвлечься от целенаправленного поиска – и нормально. Пока не наступишь или совсем рядом не пройдёшь – никаких проблем. Удобно получалось. Иванову совсем не хотелось становиться ходячим детектором всяких неприятных аномалий и жить в дискомфорте, постоянно зная, где и какая пакость находится.

Из плохого – все обнаруженные «плохие пятна» оказались в людных местах и попробовали на них действие Силы, не привлекая внимания, не представлялось никакой возможности. А спокойный «полигон» был нужнее воздуха. Иванов буквально кожей чувствовал, что он на верном пути в своих изысканиях и нужно продвигаться дальше.

Вот только где такое удобное, безлюдное местечко найти? Искать в городе-миллионнике – так себе затея. Куда ни сунься – везде кто-то крутится, кто-то копошится или шляется, мешая уединению и спокойствию. Тогда что делать? Может, с Машкой посоветоваться?

* * *

Кицунэ не подвела. Выслушав проблему Серёги, она, недолго думая, предложила:

– Ты в деревню поезжай, как потеплеет. Найди какую-нибудь на отшибе, заброшенную, и там полазь. Хочешь, я тебе даже помогу, поищу старые карты на форумах кладоискателей? Их там полно. Подберёшь по вкусу место и скатаешься. Вдруг повезёт?

Иванову такая идея понравилась.

– Правильно! Завтра и поеду. Снега вроде бы немного, пройду. Да и какой смысл до весны ждать? Время терять? Зачем? Делать мне всё равно нечего. На турбазе порядок, там и без меня чудесно управляют. Книжки читать с утра до ночи – надоело, перерыв нужен. Всё! Решено! Прямо с утра пораньше и двину!

Маша не возражала. Ей нравилось видеть Сергея таким... целеустремлённым и полным энергии. Пусть съездит, чистым воздухом подышит.

– Хорошо, – кротко сказала она. – Я тогда пойду, поищу подходящие деревеньки. К чему привязываться – к автобусам или электричкам?

– К электричкам, – сразу ответил Иванов. – Они ходят по расписанию и без задержек.

– Как скажешь. Голодный?

Бывший инспектор Департамента, не задумываясь и абсолютно честно, ответил, радуя и удивляя домовую одновременно:

– Да.

* * *

На следующий день бывший инспектор вышел из дома затемно, тепло одетый и с солидным запасом бутербродов в рюкзаке. Быстро добрался до вокзала, где сел на заранее подобранную по времени электричку и, в ожидании отправления, скучающе смотрел на перрон в подмёрзшее за ночь окно.

Пока всё шло по плану.

Вчера кицунэ до глубокого вечера рылась в мировой паутине, присматривая подходящие под оговоренные требования деревни и тщательно изучала маршруты к ним. Не сразу, не быстро, но нашла именно такой, при котором Сергей фактически не зависел от капризных, необязательных поселковых автобусов и вполне мог добраться до пункта назначения самостоятельно.

Далось ей это нелегко. Покинутые человеком территории упорно не хотели располагаться в прямой пешей доступности, а наоборот, будто прятались от бывших хозяев в никому не нужной глуши, словно обиду затаили. Объяснялось такое положение дел довольно легко – за последние десятилетия современная цивилизация сдвинула свою инфраструктуру так, что теперь в нужную глухомань без машины никак не добраться, особенно зимой.

Выручили, как ни странно, послевоенные карты. Оказалось, верстах в восьмидесяти от города, всего в полутора километрах по прямой от одного из полустанков, когда-то располагалась военная часть. В девяностые годы прошлого века, на волне бардака, безденежья и тупого разоружения её тихо ликвидировали. Солдат вывезли, офицеров перевели кого на пенсию, кого по другим гарнизонам, имущество разворовали.

В наши дни от в прошлом богатой и многолюдной армейской тактической единицы остались лишь заброшенная территория с отдельно стоящими казармами, пустыми боксами для техники и прочими строениями, положенными приличной военной части. Сбоку, почти вплотную к тонкой линии пока не разворованного забора, отчётливо видного на спутниковой карте, теснились несколько двухэтажек с общежитием – бывшие квартиры для военных и их семей.

Удалось даже найти несколько фотографий трёхлетней давности из тех мест – разруха, запустение и разнокалиберные надписи баллончиком на обветшалых стенах. Неизвестные сталкеры по теплу не поленились сгонять туда и оставить отзывы с впечатлениями от поездки на профильном форуме.

– Делать там нехрен, – писал некий умник с ником Стрелок_2003. – Говно и мусор.

С ним соглашался и другой форумчанин – ИсидорМ, судя по пятизначной цифре репутации под аватаркой – старожил и авторитет.

– Цветмет с чернягой вывезли, при копе кроме пуговиц и советских медяков ни черта нет. Ходил с металлоискателем два дня.

Далее шло унылое обсуждение никчёмности этой заброшки и жалобы на потраченное впустую время.

Почитав всю эту тоскливую белиберду, Иванов поначалу усомнился в правильности Машиного выбора, однако домовая легко разубедила его:

– Это сейчас там помойка. А раньше жизнь кипела. Полная часть солдатиков; офицерские жёны, скучающие, пока мужья на службе; молодые, неженатые лейтенанты... И это всё в полузакрытом микромире. Да ты хоть представляешь, какие там страсти должны были происходить?! Какие события? Куда там Шекспиру с Островским! Наверняка и проклинали друг друга, и ненавидели от чистого сердца. И вообще, не ворчи. В другие места ты раньше весны не доберёшься, а тут – как по заказу. С одной стороны части железка, с другой – дорога. Причём, судя по карте, вполне используемая. Так что не заблудишься. Не понравится или подойти проблематично будет – обратно на электричке уедешь. Они там каждые полтора часа ходят.

После недолгих раздумий Иванов вынужден был согласиться с доводами домовой. Действительно, что он теряет? Не факт, что в каких-то глухих деревнях удастся подобрать «плохие пятна» по вкусу, а потому нечего морду воротить. Съездит, осмотрится, сделает выводы. Если ничего не найдёт, то хотя бы развеется.

* * *

Через два с лишним часа Серёга стоял на совершенно пустом, оживающем лишь в дачный сезон полустанке и смотрел вдаль, прямо на остатки домов, еле видных из-за растущих вдоль путей деревьев, попутно оценивая на глазок глубину девственно-чистого снежного покрова. Выходило терпимо, но по полю. И дороги отсюда туда явно никакой нет. Тропинка, скорее всего, есть. Но сейчас её замело и искать – глупо.

– Н-да... – вздохнул он. – Из города это как-то жизнерадостнее выглядело.

История первая. Право на выбор. Глава третья

До пункта назначения Иванов добирался долго – не менее часа. Прямо по прямой, через поле и лесополосу, ориентируясь на серые, угрюмые строения. Тяжело шёл – снега хоть и было сантиметров десять от силы, однако двигаться по на совесть перепаханному полю, постоянно спотыкаясь о замёрзшие куски земли и неудобно наступая в борозды, оказалось проблематично.

Но Серёга не сдавался, медленно, настырно, закусив губу брёл вперёд к цели. Он словно сам себе вызов кинул – дойти без остановок и теперь проверял себя на прочность и силу духа.

Проверил – может. Дошёл, чертыхаясь, ни разу нигде не застряв и втайне радуясь тихой, спокойной погоде. Про то, как бы он проделал этот путь даже при небольшой метели или хорошем ветерке – бывший инспектор старался не задумываться, чтобы не портить вкус победы горечью реализма. И так понятно – не рискнул бы без крайней нужды. Зачем?

Старый офицерский городок... нет, городок – это слишком громко, скорее посёлок, никаких ассоциаций не вызывал. Обычная заброшка с выбитыми окнами, местами обвалившейся шиферной кровлей сверху и кучами припрятанного под снегом мусора снизу, матерной живописью неизвестных остроумцев на стенах и воем ветра, вызывающим поначалу грусть от гнетущей пустоты этого места, а потом банальнейшую скуку.

Осмотр военного городка снаружи закончился едва начавшись. Тихо, спокойно, ни людей, ни зверья. Ничего интересного. Можно идти дальше. Сергей страстью к экзотическим турам не страдал и удовольствия от посещения всевозможных руин не испытывал. Да и нечего здесь было разглядывать, нечему восторгаться. Уныние сплошное. Таких военных частей по стране – полно, как и порезанных на металлолом заводов, и прочих развалин, доставшихся нынешнему поколению в качестве напоминания о тотальной индустриализации прошлого века. Сам Иванов те годы в силу возраста не застал, однако людей того времени, нацеленных на созидание, уважал крепко.

Немного постояв и отдышавшись, он принялся за дело.

* * *

Домовая оказалась права. На первом же этаже длинного, двухэтажного здания с коридорной системой планировки общажного типа и прогнившими деревянными полами быстро удалось найти довольно «плохое» место. Слабенькое, почти незаметное, но бывшему инспектору вполне подходящее.

Оно располагалось в одной из пустых комнат, в углу у вырванного, что называется, «с мясом», окна. Именно там, где обычно принято ставить кровать. Старое, не такое гадкое, как тогда, у конторы микрозаймов, однако более... тяжёлое, что ли. Как будто здесь произошло что-то совсем нехорошее. Давно, очень давно, возможно, ещё до рождения Серёги – уже и след почти простыл за давностью лет.

Кто знает, что тут случилось? Может – омерзительнейшее, извращённое убийство из-за ревности или в пьяной драке, может – человек при строительстве погиб. Теперь уже до правды не докопаться, да и надо ли?

Иванов присел на корточки, снял перчатки. Прислушался к себе – нет, никакого беспокойства, никакой угрозы. Просто неприятное место, навевающее устойчивые ассоциации с плохо помытой общественной уборной на заштатном вокзале – и не больше.

Что же, можно приступать.

Плавно, без резких движений он расположил ладонь сантиметрах в двадцати параллельно полу и принялся аккуратно, медленно, выпускать Силу из себя. Снова почувствовалась ниточка – мягкая, податливая, однако Иванов уже не обманывался на её счёт. Помнил, как за доли секунды из послушного, еле ощутимого ручейка появилась смертельно опасная «спица». Тоже, кстати, весьма полезное умение – оружие последнего шанса, так сказать, или, при необходимости, достойная замена перфоратору.

Краем восприятия, не отвлекаясь, Сергей решил потом, после разборок с нехорошим местом уделить немного времени и этому вопросу – стрелкнуть пару раз «спицей» в стену и посмотреть на результат.

Через несколько секунд ниточка спокойно, без осложнений закончила свой путь по Серёгиному организму и из ладони медленно полилось белое, слабенькое свечение. Будто лампочку тусклую кто-то включил.

И снова получилось! Иванову захотелось возликовать, обрадоваться новой удаче, однако он, буквально ломая себя, перенёс нахлынувшую эйфорию на потом. Сначала следовало разобраться с Силой, провести запланированный минимум испытаний – именно ради этого он сюда и приехал. А отпраздновать никогда не поздно, был бы повод.

Всё так же медленно, полностью концентрируясь на своих ощущениях, колдун-самоучка попробовал перекрыть поток энергии.

Он представил, что это никакая не Сила, а обычный кран с бегущей водой. Закрыть его проще простого – повернул барашек – и молодец!

Бережно, скрупулёзно Сергей заставил ниточку сначала истончиться, а затем и вовсе разорваться. Свечение, поначалу плавно затухавшее прямо пропорционально истощению потока «энергии», в момент разрыва погасло окончательно, и управляемая ниточка тут же перестала ощущаться – она будто растворилась в организме.

«Как просто, – подумал бывший инспектор. – Это словно часть меня и больше всего напоминает... умение ходить. Когда умеешь – не задумываешься, какую ногу ставить вперёд и как держать равновесие, и в голову не придёт размышлять о том, какие мышцы задействованы и насколько сложна механика работы голеностопного сустава, не выбираешь ширину шага и стопу ставишь как удобно, а не как красиво. Просто пользуешься навыком – и всё. А если не умеешь, как младенец? Пока научишься – не одну шишку набьёшь, не одну неудачу потерпишь. Так и сейчас – учусь ходить, а точнее пытаюсь подняться на ноги. Главное – не спешить и не нервничать».

Иванов встал с корточек, размял затёкшие с непривычки колени, поприседал, сделал несколько шагов туда-обратно. Накатила лёгкая усталость – от перенапряжения, не иначе. Разрешил себе отдохнуть минут десять, он без интереса уставился в оконный проём на стоящий напротив, не менее разграбленный дом, всей кожей чувствуя мрачное одиночество и ощущая себя противоестественным, ненужным элементом в этом царстве забытого прошлого. Люди, люди... лучше бы снесли эти дома, чем вот так – бросать в забвении.

* * *

Пауза помогла. Спустя отведенное время бывший инспектор Департамента действительно почувствовал себя относительно посвежевшим и готовым к продолжению изысканий. Теперь, по плану, следовало проверить воздействие Силы на «плохое» место.

* * *

...Снова неприятный угол, снова в руке заворочалась знакомая ниточка, снова из-под кожи, делая её в местах подсветки необычайно розовой, полился тусклый свет...

Серёга начал с малого. Неспешно, аккуратно он принялся водить ладонью у границ «пятна», держа её сантиметрах в десяти от пола. Серьёзных изменений пока не происходило – грязь оставалась грязью, мусор – мусором, и только наметённый в отсутствующее окно тонкий слой снега начал медленно, почти незаметно, таять.

Закусив губу от усердия, парень, в который раз за сегодня, прислушался к себе – нет, никаких новых ощущений. Нитка ведёт себя послушно, вырваться или иссякнуть не пытается. Это хорошо.

Так, теперь «плохое» место...

– Посмотрим, – певуче пробормотал бывший инспектор. – Поглядим.

Прекрасно понимая, что довольно сильно рискует, он всё же позволил себе немного отвлечься от контроля над Силой и чуть-чуть, самую малость присмотреться к обрабатываемому куску пола. Очень захотелось воочию понаблюдать, как это работает.

Но увидеть любопытный экспериментатор ничего не успел.

Ещё мгновение назад послушная ниточка словно с цепи сорвалась. Занервничала, заизвивалась, будто брошенный на асфальт червь, попыталась вырваться, обжигая своими свободлюбивыми конвульсиями ладонь изнутри.

Иванов еле справился с неповиновением, однако эксперимент пришлось прервать.

Блокировав поток и дождавшись, пока жжение в руке стихнет, Сергей наконец-то спокойно переключился на результаты «просветки», как он для удобства окрестил только что проводимые манипуляции с Силой. Получилось интересно – «плохое» место вроде бы немного уменьшилось.

«Но это не точно» – одёрнул бывший инспектор сам себя и расстроился. Вот кто мешал условные границы «пятна» какими-нибудь камешками обозначить? Тогда было бы с чем сравнивать, а так... угадка сплошная. Вроде да, а вроде и нет.

Пока думал – руки уже подбирали осколки кирпичей, валявшихся тут в великом множестве, и раскладывали их под управлением внутренних ощущений. Не самая точная картография, конечно, но для понимания процессов вполне хватит.

Получился условный многоугольник площадью около двух квадратных метров.

Воодушевившись, Серёга уже относительно легко вызвал свечение и принялся снова водить ладонью над полом, только теперь уже вдоль границ отмеченного им участка. Залезть поглубже или покрыть свечением вообще всё «плохое» место он не старался – возможно, потом попробует. Сейчас перед ним стояли несколько другие задачи.

Просветив как следует полосу длиной около метра и шириной сантиметров сорок, Иванов принялся за её осмотр. Сила не подвела. Она действительно выжигала неприятные эманации, делая «пятно» обычным куском пола в заброшке. Почему-то бывший инспектор этому открытию не удивился. Наверное, подсознательно ждал чего-то подобного, недаром же полное название дара – Сила Жизни. Словосочетание само за себя говорит и изначально ничего общего с кровью и смертью не имеет. Это уже потом её всякие, особо ушлые, личности приспособили для разных непотребств.

Ещё раз перепроверив результаты и не найдя никаких изъянов в «очищенной» полосе, Сергей удовлетворённо позволил себе снова размять ноги и перекурить.

Теперь наступал третий этап эксперимента, изначально не запланированный, но сейчас напрашивающийся сам собой. Иванову очень захотелось узнать – хватит ли у него внутренних резервов, чтобы полностью стереть из этого мира «плохое» место?

Как там Машка говорила? Не жалко? Она права. Планета без этой тухлятины в два квадратных метра только лучше станет, а для тренировок он себе ещё местечко найдёт.

* * *

С полной очисткой «пятна» Сергей справился за какой-то час с перекурами.

Пока возился – смог добиться практически ровного, без мерцаний, свечения и немного разобрался с ниточкой, питающей «просветку». Оказалось, для более полного контроля над ней следовало всего лишь слегка изменить личное восприятие – научиться ощущать её не как часть пусть и своего, но чего-то приобретённого, а именно как часть себя.

И только Иванов это понял – дела пошли веселее, проще, легче. Свечение лилось само собой, без всяких попыток неповиновения или неприятных ощущений. Словно лампочка включенная – щёлкнул выключателем и забыл о ней, хотя и пользуешься светом. По началу даже не верилось, что так можно.

Убедившись в правильности своих действий, Серёга, осмелев, ещё раз попробовал отвлечься от полной концентрации на управлении нитью – и в этот раз у него получилось! Краем сознания не прекращая наблюдение за свечением, он сначала позволил себе несколько косых, быстрых взглядов на пол и по сторонам, а затем и вовсе осмотрелся, довольно щурясь на намётанные вдоль стен небольшие сугробы.

Покончив с очисткой, экспериментатор встал с корточек, в полной мере ощущая покалывание в затёкших коленях и с удовольствием, до хруста в суставах, потянулся. Хорошо! Несколько раз повертел головой вправо-влево, помахал руками, поприседал, разгоняя кровь по ногам, сделал пару наклонов. Ну не привык бывший инспектор так долго сидеть чуть ли не на собственных пятках – не его это вид спорта.

Как следует размявшись и немного согревшись, Иванов отошёл к дверному проёму и наконец-то посмотрел на обозначенный камешками кусок пола со стороны, желая видеть общую картину: да, всё так и есть – подопытное «пятно» с нехорошими эманациями наконец-то перестало существовать в этом мире. Мелочь, а приятно...

Сила же, к великому удивлению парня, у него ещё оставалась и охотно отзывалась по первому требованию.

В общем, день прошёл не зря.

Уже перед самым выходом из здания, в голову Сергея пришла хулиганистая, но очень интересная идея: а что будет, если попробовать выпустить из себя немного Силы? Не как ступок запулить, а... примерно, как каплю пустить по наружной стенке кружки. Чтобы потихоньку ползла, предсказуемо, строго в одном направлении. Вроде как безопасный сброс излишков сделать. И посмотреть, что будет?

«А если шандарахнет? – завопил здравый смысл, вызывая к разуму. – Как тот же файербольный ступок, только теперь прямо под ногами? Опасно, очень опасно – можно самоподорваться и поминай, как звали».

Решение нашлось быстро. Иванов лихо взбежал по лестнице со срезанными неизвестными любителями дармового железа перилами, быстренько нашёл комнату с окнами, выходящими на поле со стороны железной дороги. Осмотрелся – отлично, подходит!

Подойдя к оконному проёму, зачем-то посмотрел вниз, на улицу, будто опасался, что там кто-то может идти по своим делам. Нет, никого. Сплошной снег и падающие снежинки.

Сергей невольно перевёл взгляд на небо – серое стало, тяжёлое, туч не разобрать. По всему выходит, сейчас снегопад может начаться. Надо поторапливаться...

Для подтверждения своих выводов парень, как и всякий городской житель, решил свериться с прогнозом погоды из интернета. Привычно выудил из недр куртки смартфон, потыкал пальцем в экран, выматерился – в этой глухомани отсутствовала связь. Хотя, чему удивляться? Тут ведь не мегаполис с платежеспособными абонентами, а всеми забытая военная часть в конкретной глухомани. Кто тут кому звонить будет? Население окрестных деревень – одни

пенсионеры с алкоголиками. Ради них никто не станет стараться и устанавливать дорогие ретрансляторы с антеннами в каждом закоулке. Вдоль дороги поставят – и хватит, пользуйтесь благами цивилизации.

«Ладно, не страшно. Всё равно скоро свалю отсюда» – решил бывший инспектор, пряча аппарат во внутренний карман куртки. Потёр слегка замёрзшие ладони друг об друга и, пожелав себе удачи, высунул правую руку на улицу. Настроившись на абсолютно любое развитие событий, Иванов вызвал уже ставшую почти родной нитку и, зажмурившись, попытался представить, как из ладони лениво, нехотя выдавливается ползёт тягучая, словно мёд, капля. Одна. Небольшая, сочная...

В пальцы отдало жаром. Сергей открыл один глаз и увидел... ту самую каплю, которую только что себе представлял. Она оказалась белой, будто молочной, и не жидкой, а какой-то воздушной, словно комочек густого тумана, играющий сам в себе легкими, почти невидимыми завихрениями. И при этом капля, похоже, была вполне материальной. Казалось – если её ткнуть пальцем, то можно почувствовать плотное, упругое сопротивление реального тела.

Незабываемое, прекрасное в своей ирреальности зрелище. Парень смотрел, как заворожённый на медленно ползущую вниз, точно сытый жучок, частичку Силы и не дышал, наслаждаясь.

– Так вот ты какая, – прошептал он и в этот момент вытянутая рука едва заметно дрогнула от напряжения. Доползшая к этому времени почти до ребра ладони капля плавно, как в замедленной съёмке, сорвалась вниз, с каждым мгновением набирая скорость.

Куда она упала – увидеть не удалось. Пока Сергей втянул руку, пока высунулся сам наружу, зацепившись при этом о какой-то кусок доски и чуть не навернувшись – место падения прикрыли снежинки. Ну хоть не взорвалась – и на том спасибо.

Что же, придётся повторить, только каплю нужно посильнее, побольше сделать, иначе опять ничего разглядеть не получится.

В этот раз Иванов глаз не закрывал, смотрел, как на ладони материализуется новый, крохотный сгусточек тумана. Такой же, как и первый, только чуть больше. Попробовал немного повернуть руку для удобства – и капелька тут же, словно маслом намазанная, упорхнула вниз, вслед за своей предшественницей.

Не мешкая, парень высунулся в оконный проём и постарался проследить, куда на этот раз угодил кусочек Силы, однако у него снова ничего не получилось. Внизу лежал девственно-чистый, нетронутый снежный покров, на который активно падали, кружась и играя, снежинки.

Нужно думать, внутренние запасы дара не бесконечны.

...Может, капельки слишком малы, чтобы сделать хоть какой-нибудь заметных эффект? Или просто дырки в земле под снегом образуются, как от «спиц»? Маленькие, тоненькие, потому их и не видно? И не узнаешь ведь – глупо сейчас идти и под окнами ковыряться, разыскивая неизвестно что. Затопчешь всё, даже не начав.

Ещё одну капельку создать? А смысл? Две не заметил – не заметишь и третью. А если увеличить в размере? Эффект должен быть или нет? Эх... плохо быть самоучкой...

Дав себе зарок в том, что если и сейчас не получится, то на этом всё, Серёга снова высунул руку в окно и неожиданно решил попробовать сделать ниточку потолще, чтобы капля вышла пожирнее. Ну и узнать свои возможности в контроле более мощного потока энергии Жизни, прикинул он, тоже не повредит.

Выбранное место как раз идеально подходило для спонтанно возникшей задумки, навеянная ассоциации со стрелковым тиром или полигоном: спереди – поле, он – в здании, если и бабахнет, то зацепить не должно, а если вырвется «спица» – то всё равно ничего страшного. Сделает в земле новую дырку или улетит в мировое пространство и растворится в воздухе. Кто знает?

В который раз за сегодня заворочалась в руке призванная нить. Как всегда, тоненькая, обманчиво-слабая в своей незначительности. Так, хорошо... А теперь представить, что вместо никчёмной нитки на том же самом месте проходит... ну, пусть будет тоненькая бечёвка, её ближняя родственница.

Для воплощения идеи в жизнь одной фантазии оказалось мало. Сколько Иванов, морща лоб и хмурясь, ни старался, ни менял воображаемые размеры потоков Силы в своём представлении – ничего не получалось. Ручеёк по-прежнему не хотел меняться и протекал словно по привычному руслу, неторопливо и предсказуемо.

Осознав бесперспективность всех этих умственных напряжений, Иванов решил пойти на некоторый риск и попробовал пустить процесс на самотёк, попросту разрешив дару самостоятельно выбирать себе наиболее удобный путь и размер для перемещения по руке.

Сконцентрировавшись и, на всякий случай, выставив руку ладонью в поле, бывший инспектор принялся с интересом отслеживать, как Сила ползёт в заданном им направлении. Он практически не вмешивался в её путь, не пытался ничего из себя исторгнуть, не ограничивал жёстким контролем – только наблюдал, со страхом и возбуждением ожидая результатов.

Энергия Жизни была уже почти в пункте назначения. От внешнего мира её отделяла лишь тоненькая кожа ладони – плохое препятствие при такой-то мощи. Осталось совсем немножко...

Словно перед запуском космического корабля, губы шёпотом начали отсчёт:

– Три, два, один... Можно. Иди.

Последняя фраза была адресована дару, словно тот мог его услышать.

Плавно, тягуче, почти нехотя из ладони вырос туманный шар. Крупный, размером с детскую головку, подрагивающий и мерцающий – будто живой. И абсолютно невесомый. Получается, всё же Сила нематериальна, иначе хоть сколь-нибудь бы весила... Тогда почему падает, подчиняясь гравитации? А может, из-за его, Серёгиной, воли? Вполне... Вот сейчас и представился замечательный повод проверить...

Дунул ветерок, хорошенько обдав шар снежинками. До туманной поверхности не дотела ни одна – все они превратились в пар в нескольких сантиметрах от сферы, на мгновение окутав сгусток Силы красивым, беленьким облачком и напрочь отбив всякое желание тыкать пальцами, куда не следует. Рано ещё тактильные исследования проводить.

– Ну, – приказал Серёга, плавно повернув ладонь тыльной стороной вверх. – Давай.

Шар лениво, словно делал великое одолжение, отделился от руки и камнем, будто весил минимум пару килограмм, беззвучно ухнул вниз. И снова ничего не случилось – ни взрыва, ни пожара. Словно и не было ничего. Привиделось. Глюк.

А новоявленному колдуну вдруг жутко захотелось сесть. Прямо тут, сейчас, у окна, не выбирая места. И, содрав с головы шапку, привалиться спиной и горячим затылком к холодной стене. А потом, закрыв глаза, блаженно вытянуть ноги вперёд и сидеть так вечно. И не дышать.

Он дико, нечеловечески устал. Похоже, на этот шарик все запасы Силы ушли, так что вариант с пусканием «спиц» откладывается на неопределённое «потом». Ладно, не жалко...

Запретив себе даже думать об отдыхе (начитался в своё время историй о таких вот страдалцах, заснувших и замёрзших на морозе), Иванов в очередной раз высунулся из оконного проёма, опять посмотрел вниз, отыскивая следы падения и... рассмеялся. Место, куда грохнулся туманный сгусток, в этот раз даже искать не пришлось. Его сразу выдавала зелёная, свежая, высотой минимум до пояса трава, бодро пробившаяся через снег.

Этакий кусочек лета, полметра в диаметре, совершенно по-идиотски смотревшийся среди сугробов. Жаль, цветов там нет. Можно было бы букетик нарвать, порадовать домовую. Она любит всякие полевые ромашки-лютики...

Насмотревшись на довольно быстро заметаемую зимой травку и сделав для Маши несколько фотографий собственноручно сотворённого чуда, бывший инспектор побрёл на улицу, на ходу подбадривая себя всплывшим из детства четверостишием Маршак:

В лесу цветет подснежник,

А не метель метет,

И тот из вас мятежник,

Кто скажет: не цветет!

...Каким-то чудом Сергей смог найти в себе силы обследовать и другие строения военного городка. Искал, разумеется, новые «плохие» места для будущих тренировок, раз уж здесь оказался.

И снова почти сразу нашёл, как ни странно! Совсем никакое, в разы слабее первого, едва ощущаемое и тоскливо разместившееся в одной из квартир соседнего дома. Ничего, ему и такое сгодится, придет потом как-нибудь, поиграется с ним. Воодушевившись, бывший инспектор продолжил поиски...

* * *

С чувством глубокого удовлетворения и с лицом человека, сделавшего большое и важное дело, колдун-самоучка вышел из последнего по счёту подъезда и уставился вверх, на ещё более посеревшее небо и ещё гуще падающие снежинки. Лицо обдало порывом ветра, при этом неприятно плюнув в глаза белым крошевом.

Сергей почувствовал себя дураком с большой буквы. За вчерашний вечер он несколько раз проверял прогноз погоды, и все специализированные сайты твердили одно и то же в пушкинском стиле: мороз и солнце, день чудесный! Да и мороз так себе – слегка ниже нуля, почти детский. А вот про осадки в любых формах никто ничего не сообщал. То ли постеснялись модераторы, то ли прогноз, не мудрствуя лукаво, обновляли глядя в окно: идёт снег – пишут «снег», не идёт снег – ничего не пишут. Синекура, а не работа.

Одним словом, обратного пути через поле, к электричке, нет. Если снегопад хоть немного усилится – пиши пропало, заблудиться легче лёгкого. Броди потом, ищи рельсы...

Умнее на дорогу выбирать и там ловить попутку.

Определившись, Серёга спокойно потопал к цивилизации...

* * *

...Вот и забор расформированной военной части с отсутствующими воротами и полуразрушенной будкой КПП-2. Всё в сугробах, в запустении, в мусоре. Что там в глубине, за воротами, парень даже смотреть не стал. Не интересно.

В данный момент гораздо большее любопытство вызвала дорога, начинающаяся прямо от домов, огибающая бывший оплот Советской Армии и уходящая куда-то за угол. На удивление, снега на ней почти не было – старый асфальт находился немного выше уровня земли и ветер сдувал с него лишнее, оставляя лишь небольшие, нетронутые из-за неиспользуемости забытого тракта, снежные пятна. Прямо подарок судьбы.

Насколько Иванову помнилась карта здешней местности – от военной части до нормальной трассы, по которой машины с людьми катаются – около километра с хвостиком по прямой, чуть поближе, чем до железки. А домики с общежитием располагались справа, в стороне как бы... Значит, нужно идти вдоль забора, обогнуть все эти развалины, дойти до основного КПП

и оттуда, повернув на девяносто градусов, выбраться на финишную прямую. Если и там снега почти нет – то можно считать, что повезло и его бестолковое путешествие по заброшкам области впору будет расценивать как лёгкое приключение, не больше...

* * *

...Сергей по-прежнему чувствовал себя жутко усталым и, если бы не угроза усиления снегопада, то он наплевал бы на время и с удовольствием бы плёлся с черепашкой скоростью, понемногу отдыхая и не насилуя организм.

Однако выбирать не приходилось. Погода вполне могла ухудшиться в любую минуту, да и сам факт того, что он сейчас находится где-то... непонятно где, в никому ненужных краях, среди гнетущего запустения прошлого и какого-то матово-крахмального, на фоне серого неба, снега – подстёгивало основательно. Хотелось к людям, в тепло. Хотелось смотреть на всё это из своей кухни, в окно, стоя в тапочках и зажав в ладонях кружку обжигающе-вкусного чая. Тогда – да, тогда можно и полюбоваться на карусель снежинок в свете вечерних фонарей, и даже эстетическое удовольствие от созерцания получить.

Но не сейчас. Сейчас – скорее к дороге.

Стараясь шагать по видимым, не заснеженным кускам асфальта, Сергей свернул за угол и уныло вздохнул, глядя вдаль.

Слева – всё тот же длинный бетонный забор, над которым натянута ржавая, местами рваная колючая проволока в три яруса, справа – вместо домов – очередное поле, прямо – понемногу исчезающая под свежим снежком дорога.

Не останавливаясь, он подкатил вверх края своей плотной, вязаной шапочки и вслушался, надеясь услышать бодрящие звуки автомобилей, которые, по логике, должны были ехать параллельно маршруту его движения. До поворота к ним оставалось... а чёрт его знает, сколько оставалось! Видимость – метров сто по прямой, да и то от силы. Ладно, ничего страшного, главное мимо въездных ворот КПП не проскочить. Там, по логике, прямая дорога к трассе должна быть.

Иванову ничего не удалось расслышать, как он ни старался. Из доступных звуков присутствовали только лёгкое постукивание его собственных подошв по асфальту, перемежаемый хрустом изредка попадающего наста, и слабый шелест трущейся при ходьбе ткани куртки. И всё.

Потому вынужденному путешественнику оставалось лишь гадать: шум моторов глушит падающий снег или действительно, в такой глухомани, да ещё с новыми ценами на бензин, редко кто ездит?

Путаница какая-то... Хотя ему, Серёге, какая теперь уже разница? Не назад же возвращаться?

Резкий порыв ветра бросил в лицо очередную пригоршню ставших неожиданно колючими снежинок. Часть из них ловко попала в нос и глаза, заставляя парня по лошадиному трусить головой и отфыркиваться. Погода понемногу ухудшалась. В сердцах обозвав себя «идиотом» за неуёмный исследовательский энтузиазм и, в очередной раз помянув нехорошими словами составителей прогноза погоды, он постарался ускориться.

* * *

«Правильно сделал, что не связался с личным транспортом, – думал Иванов, чтобы хоть как-то отвлечься от монотонности ходьбы и чем-то занять голову. – Не надо мне теперь. Ездить некуда, да и при моём новом, спокойном образе жизни от него одни убытки. Такси проще, автобусы тоже никто не отменял. Вот окажись я сейчас здесь на автомобиле – что бы делал?».

– Уехал бы нафиг отсюда, без всяких проблем и страхов, – вслух горько признал очевидное бывший инспектор и зло сплюнул.

Попытка отвлечься не удалась и так тщательно избегаемые, пугающие своей дороговизной и неизбежными хлопотами автомобили неожиданно предстали в доходчивом, истинном свете своих возможностей – на них можно ездить там, где хочется и уезжать оттуда, где не нравится. Только получи права и купи технику по душе.

И именно в этот момент бывший инспектор чуть ли не впервые в жизни пожалел о своём упрямстве.

* * *

Минут через десять ходу взгляд зацепился за невесть откуда взявшийся силуэт человека. Он выглядел настолько ирреально в этой белой круговерти, что парень невольно потёр глаза – не мерещится ли? Но нет – силуэт ему не мерещился – всё было взаправду. Незнакомый, судя по фигуре – тощий мужчина, стоял к нему спиной и уныло махал большой лопатой снизу-вверх. Наверняка снег чистил.

Иванову и в голову не пришло задуматься о том, что этот человек здесь делает – его обуряла радость. Живой! Настоящий! Значит, и дорогу укажет! А то в глубине души уже начинали зарождаться тревожные сомнения в правильности сделанного выбора.

Недолго думая и напрочь забыв про усталость, Серёга перешёл с шага на лёгкую трусцу. – Здорово! – издали обозначил своё присутствие бывший инспектор, едва не сбив дыхание.

Мужчина вздрогнул, прекратил ворочать зажатый в руках сезонный инвентарь и медленно обернулся, давая себя рассмотреть.

Болезненно худой, невысокий – на полголовы ниже Иванова, заросший неухоженной, с проседью, короткой бородкой. Одет просто – кирзовые сапоги; старые, затёртые в коленях, джинсы; синий рабочий ватник. На голове – дешёвенькая шапочка-менингитка. Возраст из-за поросли на лице парень определить затруднился – как за тридцать, так и за пятьдесят. Скорее второе – слишком блёклые, выцветшие глаза были у мужчины. И усталые какие-то, пустые, равнодушные...

– Здорово! – бодро повторил Серёга, не получив ответа на своё первое приветствие. Он совершенно не обиделся на такую невежливость – может, не расслышал человек, всякое случается.

Неизвестный снова промолчал, затравленно глядя на вынырнувшего из снегопада парня.

«Псих, что ли? – промелькнуло в голове у бывшего инспектора и он, на всякий случай, не стал близко подходить к этому индивидууму, косясь на зажатую в грубых, мозолистых руках фанерную лопату. – Перетянет ещё поперёк морды сдуру... Да и смотрит этот дядя странно, словно удара ждёт, а сдачи дать не может. Ну его».

Подождав для приличия с десяток секунд и окончательно убедившись в том, что мужчина в разговор вступать не собирается, Иванов немного обиделся на такую невоспитанность и, не особо пряча раздражение в голосе, поинтересовался:

– До дороги далеко? Если немой – рукой махни, в какой она стороне.

– Ты откуда? – неожиданно подал голос неизвестный. – Как тут?

– Оттуда, – Сергей мотнул головой назад, обозначая направление, откуда пришёл и добавил, предупреждая ответ на наиболее вероятный вопрос. – Гулял.

Мужчина воткнул лопату в свеженаваленный снежный отбойник и с непередаваемой мольбой в голосе поинтересовался:

– Закурить есть? Дай, пожалуйста...

– На, – парень протянул ему раскрытую пачку, впрочем, не слишком приближаясь.

Тот аккуратно вытащил сигарету, немного трясущимися руками вставил её в рот и снова уставился на Иванова.

Понятно без слов – ни дерьма, ни ложки.

– Держи, – протянул бывший инспектор одноразовую китайскую зажигалку, но мужчина её не взял, а, не выпуская сигарету из рта, попросил, перейдя на «Вы»:

– Помогите, пожалуйста. У меня руки немного болят – могу уронить.

Просьба на фоне лёгкого тремора ладоней незнакомца выглядела более чем адекватно и Сергей, дождавшись, пока мужчина сделает шаг в его сторону, зажёт огонёк. Тот, едва качнув головой в знак благодарности, наклонился, поднёс кончик сигареты к пламени, с остервенением затянулся и вдруг быстро-быстро заговорил полушёпотом, проглатывая окончания:

– Помогите мне. Меня здесь насильно удерживают. Я домой хочу. У меня дети...

Иванов посмотрел на него как на идиота.

– Мужик! Ты тут один! Я больше никого не вижу. Тебе в больницу надо, голову лечить!

Однако мужчина продолжал частить.

– Не один. Не один. Там, за воротами, другие есть. И за мной следят. Просто не всё время. Отсюда не уйти. Денег нет. Документов нет. Поймают – побьют...

Пока он бормотал эту маловразумительную чушь, Иванов присмотрелся к неизвестному: чистенький, потом не воняет, перегара нет. Сумасшедший? Наверное... Нужно расходиться краями с этим ненормальным.

– Понятно, – стараясь придать голосу максимум сочувствия, кивнул парень. – Случается. От меня что нужно?

– Помощь. Помогите мне добраться до города. У меня нет денег, но я готов отработать. Не бросайте меня.

Сергей полез в карман и достал немного мелких денег.

– Держи, на билет до райцентра хватит. А там позвонишь своим... в общем, разберёшься. Но мужчина денег не взял, даже в сторону немного шархнул.

– Пока не сбегу – не давайте. Заберут! Заберут! – дважды повторил он, точно не был уверен, что с первого раза его поняли правильно.

– Хорошо, не буду, – покладисто согласился бывший инспектор. – Покажи, где дорога, и беги. Там и встретимся, – а про себя подумал: «Да ну тебя к одной матери, связываться ещё с тобой. А если ты, мужик, чисто гипотетически, говоришь правду – то мне тут точно делать нечего. Ноги в руки – и ходу. Пусть компетентные органы твой бред проверяют и перепроверяют».

Мужик словно прочёл его мысли:

– Я не сумасшедший. Сейчас рассказывать особо некогда, но поверьте – я не вру и тут действительно меня удерживают насильно. Вон, за воротами, надсмотрщик, наблюдает за нами.

Иванов невольно осмотрелся. Действительно, метрах в двадцати по прямой находились почему-то не украденные, запертые железные ворота и небольшой домик с зарешёченным окном, больше всего похожий на проходную. В окне горел приглушенный плотной шторой свет, немного освещая нечитаемый в такую погоду кусок заснеженной вывески. Так, что ещё? Ага, вот и тот самый поворот к основной магистрали. Вроде как даже почищен слегка. Вот только зачем – не понятно. Снега ещё не так много навалило... Или от нечего делать развлекается, просто чтобы без дела не стоять? Точно больной... Однако какое ему, Иванову, дело до чужих забав? Дорогу на всякий пожарный уточнит – и дальше пойдёт, вполне себе мирно и радостно.

А неизвестный продолжал говорить на одном дыхании:

– Можно ещё сигаретку? Хотя нет, не надо... потом накурюсь... Сейчас голова кругом, отвык... Я вам буду очень благодарен, если вы меня у дороги подождёте немного и сможете к людям выбраться. О большем не прошу. Дорога вон там, – ткнул он пальцем куда-то в поле.

Прямо здесь идите, вон поворот... Сейчас. Я надеюсь на вас. Молю... не бросайте. Идите! – шикнул он, хватаясь за лопату. – На нас смотрят!

Пожав плечами, Сергей, втайне радуясь, что расстанется навсегда с этим придурком, уверенно и не оборачиваясь поспешил в указанном направлении, которое, кстати, полностью совпадало с его представлениями о местной географии.

* * *

Через полчаса Иванов стоял на старой остановке без какого-либо названия и выглядел попутку. Второстепенная дорога районного подчинения изобилием транспорта, как он и предполагал, не баловала, потому приходилось запасаться терпением.

Пиликнул смартфон, рекламной SMS-кой от оператора уведомив владельца о появлении сети и сильно позабавив сообщением о снегопаде, всплывшем прямо в центре экрана.

– Спасибо! – раздалось сбоку. – Спасибо, что дождались!

Это был тот самый, странный мужик. Запыхавшийся, хрипло, с пересвистами дышавший, точно загнанная лошадь. Явно бежал, догоняя, и очень быстро.

Незнакомец, не дойдя до Сергея пары метров, устало согнулся, уперев ладони в колени, и принялся гулко, взхлёб втягивать в себя воздух, постоянно сплёвывая мокроту в землю на выдохе.

Иванов снова достал деньги. Обещал же.

– Держи, вот, – бывший инспектор протянул несколько купюр.

Мужчина снова удивил. Он отрицательно, не поднимая голову и не меняя положения, прерывая слова нутряными, сбивчивыми хрипами, попросил:

– Вы лучше меня с собой возьмите... В такой... одежде... никто не подберёт... не останется... А вы чистый, в новом...

Окинув неизвестного бегуна взглядом ещё раз, Серёга был вынужден признать его правоту. Слишком бедно, неухоженно выглядел этот человек по сравнению с ним. Если близко не подходить – то с первого взгляда однозначно складывается впечатление, что это бомж. Хотя, может, так оно и есть. Не все бездомные – антисанитарные алкоголики и грязнули – среди них попадаются и вполне чистоплотные экземпляры.

Вот только ехать с ним в одной машине не хотелось категорически. Не потому что бывший инспектор брезговал неизвестным – такими глупостями он, как бывший работник органов, не страдал, а потому что непонятен, подозрителен, загадочен ему был навязчивый человек. И очень сильно дисгармонировал с Ванькой, с которым Сергей познакомился при сходных обстоятельствах. Прямо дежавю какое-то...

Иванов ему об этом прямо так и сказал, не особо выбирая выражения:

– Слышь, мужик – я тебя не знаю, чтобы в одну машину вместе садиться. Вдруг ты буйный, из дурки сбежал и нож под фуфайкой прячешь? Денег на дорогу дам без проблем, но дальше...

Неизвестный наконец-то разогнулся, судорожно кашлянул и понимающе ответил:

– Вы правы, кто бы спорил... Я, если честно, именно этого и боялся... Но мне назад дороги нет... Хорошо! Давайте! – он протянул вперёд руку и аккуратно взял деньги, которые бывший инспектор держал зажатыми между пальцев. – Попробую... Это лучше, чем ничего...

И в этот момент из-за поворота показался спешащий, громко ревуший усталым мотором автобус. Не дожидаясь взмаха руки, он остановился перед стоящими на обочине, распахнул переднюю дверь и сварливый голос водителя заученно пробубнил:

– За проезд при входе передаём.

История первая. Право на выбор. Глава четвёртая

Свободных мест в автобусе не оказалось, и потому Иванов, хорошо знакомый с реалиями местечковых перевозок, опытно протиснулся в конец салона и устроился у заднего окна, мрачно уставившись на дорогу, уперев руки в высокий поручень.

Неизвестный не отставал, тащился следом как приклеенный. Даже встал рядом. Сергей на него недовольно покосился, всем своим видом давая понять, что не готов к общению. Однако увязавшемуся следом мужичку было, похоже, всё равно. Едва шумный, скрипящий всеми узлами и агрегатами, старенький автобус отечественно-экономного производства тронулся с места, он принялся говорить, совершенно не заботясь тем, слушают его или нет.

– Меня Юра зовут. Я там уже четыре месяца, – не громко, сбивчиво, немного путаясь в словах от волнения, принялся рассказывать навязавшийся попутчик. – На заработки приехал. Сначала в области работал, но там с деньгами кинули, а потом на вокзале с одним козлом познакомился, он меня сюда и отвёз. Говорил – зарплата хорошая и на хозяйских харчах. Я и поехал. От чего же не поехать, тем более, когда на кармане ни шиша?

Иванов попробовал отрешиться от этой болтовни. После всех сегодняшних экспериментов он очень устал и теперь мечтал только об одном – поскорее добраться до дома и расслабиться. Нелегко ему дались сегодняшние опыты, ой, нелегко... А неугомонный человек занудливо продолжал тараторить:

– ... сначала нормально. Баня, койка, кормят. Я там старые казармы к ремонту под цеха готовил. Тяжёлая работа, но понятная...

«Лучше бы я попутку дождался» – малодушно подумал Сергей, вконец раздосадованный неинтересной ему болтовнёй над ухом.

– ... без выходных. Рабочий день – с 8 и до упора. Шабашили по-разному, однако редко раньше восьми вечера. Меня на макароны перевели. Их там много делают. Дёшево получается. Во всех деревнях берут с удовольствием. Не успевали...

«Нахамить ему, что ли, чтобы заткнулся?» – между тем крутилось в голове у парня.

– ... и жрали тоже одни макароны с постным маслом. Много давали. Мясо, окорочка эти, картонные на вкус, только по средам и воскресеньям. А зарплату не платили. Я по приезду им паспорт на хранение сдал, дурак. А как не сдать? В комнате по шесть человек живут, всяко хоть один да вор окажется. Я и раньше сдавал, когда в столице на стройке работал. Прорабу сдавал. Если выходил куда – то без проблем брал. Никогда ничего такого не было...

Наконец Сергей не выдержал и спросил:

– Зачем ты мне всё это рассказываешь?

Назвавшийся Юрием удивился, даже замер на секунду с открытым ртом. Потом он отвёл глаза в сторону и смущённо, едва различимо в общей какофонии автобусных скрипов и грюков, пробормотал:

– Совет хотел спросить... и помощи, если получится. Вы мне показались хорошим человеком, вот я и подумал, что могу вам всё рассказать. Я не сумасшедший, не в бегах, просто попал по дурасти в переплёт. Извините... я... Скажите, пожалуйста, свой адрес или номер телефона – я при первой возможности верну вам одолженные деньги.

– Да не надо ничего возвращать, – смущённый таким поворотом дел, ответил Иванов. – Считай подарком.

Мужчина благодарно кивнул, а бывший инспектор, сам пока не понимая, зачем, принялся его разглядывать более внимательно. Что-то не вязалось в этом человеке, вот только что?

Одежда – дешёвка неинтересная: фуфайка в заплатках и старых пятнах, рабочие штаны, рабочие сапоги. Все вещи относительно чистые. Глаза – самые обычные, карие. Зрачки в

порядке. Поведение хоть и дёрганное, эмоциональное, однако в пределах нормы. Похоже – не под веществами, по жизни такой.

Принюхался. Перегара нет, как нет и алкоголической одутловатости лица и похмельных мешков под глазами. Худой, однако если не врёт, то на макаронной диете это вполне нормальное состояние.

Взгляд переместился на руки. Грубые, заскорузлые, плоские от тяжёлой работы. С въевшейся под ногти грязью, с жёлтыми, бугристыми мозолями. Трудовые руки, знакомые с ломом и лопатой не понаслышке.

Обычный работяга, каких полно. Но есть в нём странность...

И тут до бывшего инспектора дошло, что именно его напрягает в этом человеке – отсутствие мата и прочей обсценной лексики в общении. Ни одного хулительного слова этот Юрий не произнёс. Интеллигент? Нет, не похож... Тогда что? Нецензурщина в мужских рабочих коллективах – она ведь как смола липкая, редкий ухитрится не измазаться. На ней разговаривают, объясняются, хвалят и ругают. А этот ни разу даже чёрта не упомянул.

Между тем, мужчина рискнул продолжить беседу:

– Спасибо вам, – очень искренне начал он. – Большое спасибо. Тогда позвольте ещё одну просьбу – помогите сесть в автобус до города. В электричку мне нельзя – там полиция постоянно ходит, документы проверяет. А на автовокзалах с этим попроще... Денег не надо! – вскинулся Юрий, глядя на открывшего было рот Иванова. – Вы дали вполне достаточно, на билет хватит.

Однако Сергей и не думал предлагать деньги. До него только сейчас дошло, почему этот человек так вычурно и немного путанно говорит – понравиться пытается. Да и денег не просит... Неужели ему действительно помощь нужна? В принципе, посадить в автобус – не велик труд, но нужно окончательно убедиться в том, что он нормальный, а не псих какой.

– Так где, говоришь, твой паспорт? – переспросил Иванов, не желая признаваться в том, что он не слушал навязавшегося на его голову собеседника.

– Так я же говорил, – с готовностью подхватил мужчина. – Там остался, у хозяина. Вместе с зарплатой за четыре месяца, – печально добавил. – Говорил – весной полный расчёт... Плакали мои сбережения теперь.

– Стоп! – командным тоном велел бывший инспектор. – Давай снова и по порядку.

* * *

История Юрия оказалась проста и незатейлива. Обычный мужик, родился и вырос в глухой провинции. По молодости успел и послужить в армии, и годик посидеть в тюрьме за пьяную драку. После отсидки, остепенившись, он, как и его земляки, подался искать счастья в столицу. Там, немного помыкавшись, приткнулся на стройку, где зарплата позволяла кое-как сводить концы с концами и делать переводы престарелым родителям.

В таком темпе он прожил более десятка лет, кочуя с объекта на объект и с каждым годом всё больше проклиная заполонивших строительный рынок выходцев из Средней Азии, которые отчаянно демпинговали по ценам и работать предпочитали со своими единовверцами.

В конце концов, не выдержав конкуренции и в силу природной стоворчивости Юрий довольно удачно пришёлся к месту в одной фирме, занимавшейся монтажом вышек мобильной связи и принадлежащей одному очень видному члену правящей в стране партии.

Там он тоже провёл пару лет и был всем доволен, пока не случился относительно плановый запой. Как мужчина сам признавался – такая конфузия с ним происходит от силы два раза в год, но зато минимум на неделю и до зелёных чёртиков. И именно в этот раз ему и не повезло. Срыв произошёл на выезде, в одном из посёлков, куда Юрий приехал в командировку в составе монтажной бригады.

Так получилось, что все рабочие и техники в силу длинных праздничных выходных разъехались по домам, оставив его одного. А он сорвался и, пока валялся в беспамятстве, некто ушлый разобрал и вывез дорогостоящую металлическую опору и не менее дорогостоящие ретрансляторы.

Скандал случился большой. Местные наверняка знали имя вора – там без грузовика было не справиться никак, да и завозилось оборудование изначально по уму – на арендованный склад с глухим сторожем. Но никто ни в чём не признался. Полиция возбудила дело, техники получили по шапке. Юру же сделали крайним – видимо, кому-то из руководства очень хотелось назначить козла отпущения во всех этих событиях. И ничего, что он не являлся материально ответственным лицом и вообще не обязан был охранять оборудование по должности. Валялся пьяный – значит виноват.

Мужиком Юра, похоже, был безответным и, не найдя в себе сил и умения отбояриться от таких глупых обвинений, не придумал ничего лучше, как податься в бега. Зарплату, естественно, ему никто не выплатил и в скором времени он оказался в городе на вокзале, без денег, перспектив и понимания, куда идти дальше.

Именно там, на вокзале он и познакомился с неким человеком, предложившим ему работу на стройке. Озвученные условия с полным пансионом Юре понравились – согласился сразу. На радостях решили обмыть это дело в ближайшем буфете – неизвестный представитель работодателя, а попросту, как быстро догадался Иванов, вербовщик, даже раскошелится на бутылку с немудрёной закуской.

Очнулся Серёгин собеседник уже на территории воинской части с больной головой, без вещей и с неизвестно откуда взявшейся долговой распиской на довольно кругленькую сумму, в конце которой стояла его подпись.

Обошлись с ним нормально, как он считал – сразу бить не стали. Забрали «на хранение» паспорт, показали койку, покормили, нарезали фронт работ.

Пришлось впрягаться в рабочую лямку. Самое интересное, Юра прекрасно понимал, что расписку подмахнул в пьяном угаре и столько денег он прогулять не мог никак, однако по своей простодушности и забитости искренне считал, что надо должок отрабатывать, раз сам дурак. Да и новые хозяева его подогревали байками о полном расчёте к весне и приличной премии за ударный труд, а он им поначалу верил.

Сомнения на мужичка напали примерно месяца через три. Норма выработки, поистине драконовская, росла, зато долг его почему-то не уменьшался, постоянно обрастая начислениями за еду, кров и высосанными из пальца штрафами. Именно тогда он и начал задумываться о побеге, наивно полагая, что все свои финансовые обязательства перед работодателями давно закрыл.

Вот только бежать оказалось некуда. Все работяги, жившие вместе с Юрием, в один голос заявляли, что раньше весны отсюда ходу нет. От всего далеко, замёрзнуть проще пареной репы, да и поймают быстро. У хозяев в райцентре вся полиция в друзьях ходит. Только свистнут – вмиг найдут.

Впрочем, летние побеги тоже оказались всего лишь мечтами замордованных людей, которым просто хотелось верить в хорошее. Высокие заборы, охрана, каторжный труд и, как ни странно, стукачи из бывших бомжей, пригревшихся в работниках и получающих помимо обычного пайка ещё и сигареты, бутылку водки в неделю и маленькую власть – делали чудеса, преобразуя забытую воинскую часть в настоящую тюрьму.

Иногда рабочие шёпотом, постоянно озираясь, пересказывали друг другу полубыль-полулегенду о некоем Матвее, который три года назад смог сбежать и его не нашли. Но это больше походило на сказку, чем на реальные события. Ни способа, ни подробностей побега не знал никто. И Иванов, теперь очень внимательно слушавший мужичка, был склонен считать беглеца фольклорным персонажем, сходным с Колобком из детской сказки.

Встреча Юрия с Сергеем оказалась роковым совпадением. Так случилось, что именно сегодня в работе случился простой и мужичка, чтобы не бездельничал, отправили чистить снег перед воротами. Труд при такой погоде глупый, ненужный, однако хозяева части явно пребывали в убеждении, что праздность – самый страшный из пороков.

За побег они не боялись – оказывается, сразу при въезде располагалась сторожка со злым, одноногим дядькой, в обязанности которого входило находиться на работе 24/7 и следить за обстановкой по изображениям, передаваемым с камер видеонаблюдения. Вздумай Юра попробовать сбежать – охранник сразу бы позвонил кому следует и позвал своих коллег, надзирающих за работой в промзоне. Те ребята вполне ходячие, на обеих ногах и злые, по утверждению собеседника, как собаки.

Однако страшно желающий убраться из этого, по сути, рабства, мужичок, едва заведя Серёгу, придумал план. Простенький, наивный, но в его ситуации единственно верный.

Попросив Иванова подождать его на остановке, Юрий спокойно вернулся на территорию части, где доложил о странном человеке наблюдавшем за ними по монитору охраннику. Пока рассказывал – подошли и другие надсмотрщики, вызванные бдительным одноногим, однако Серёги, к тому времени, уже и след простыл, а догонять его команды не было.

Дождавшись, пока все обсудят новость и разойдутся, Юра, мысленно перекрестясь, улучил момент и треснул вредного одноногого по затылку, а потом, кое-как его связав, выскользнул за ворота и стремглав понёсся за ушедшим в снегопад бывшим инспектором.

– Бога молил, – говорил он, блестя глазами, – чтобы Вы не бросили меня, не уехали... Тогда мне конец был бы... Тогда бы всё...

Серёге от этих слов стало стыдно – именно так он и планировал поступить, да, наверное, и поступил бы, не затормози перед ними автобус. Однако не признаваться же в этом...

– Нормально, – уставившись в окно и стараясь не встречаться взглядом с собеседником, бросил парень. – Все мы живые люди... – и поспешил перевести разговор на другую тему. – Родне позвонить хочешь?

Мужичок потупился, зашмыгал носом. Со стороны казалось, что он попросту стесняется попросить об этой услуге. Ничего, это поправимо.

– Держи, – Иванов великодушно протянул свой смартфон Юрию. – Позвони, скажи, что живой.

– Не могу, – глухо признался тот. – Номеров не помню. Все в своём телефоне держал, зубрить ленился... А телефон я того... по запальчивости... ещё когда с вышками работал.

– Понятно, – только и смог протянуть бывший инспектор, с ужасом осознавая, что он и сам не помнит ни одного номера близких ему людей. Всё на звонилку свою надеется, на все эти «облачные» сервисы. «Нет, обязательно нужно выучить, мало ли что» – дал он себе сходу обещание и даже срок установил – два дня.

* * *

Из-за усилившегося снегопада и практически нулевой видимости, автобус стал ехать совсем уж медленно – не более двадцати километров в час. Большинство пассажиров дремало, остальные клевали носами или лениво, сонно вели разговоры ни о чём.

Иванов от нечего делать снова посмотрел прогноз погоды на экране смартфона – солнечно. Но не успел он в очередной раз помянуть метеорологов, как медленно, по черепашья переагружающийся сайт выдал вместо солнышка большую снежинку с невинной подписью про ожидаемые снегопады, перемежаемые порывами ветра и гололедицей.

Зло хмыкнув и спрятав аппарат обратно, Серёга спросил у мужичка:

– И много вас там таких бедолаг?

Интерес был, по сути, праздный. При всей муторности ситуации у бывшего инспектора вполне хватало опыта понимать, что заяви он сейчас в полицию о незаконном лишении свободы, подними шумиху – дело кончится пшиком. До истинных хозяев не дотянутся, работяги – почти всегда забытые и не имеющие своего мнения – свидетельствовать не станут, мотивируя извечным: «Ну его. По судам потом затаскают». К тому же, более чем наверняка у подавляющего большинства невольников документов нет, и идентифицировать их для перевода в статус свидетелей – дело нудное и малоперспективное. Вербовщики дело своё туго знают – на такие вот «производства» отбирают людей с пониманием: из тех, кому перед законом лишний раз светиться неохота и нрава смиренного. Ну а сильно умных и активных на месте успокаивают, через голодуху, непосильный труд и скотские условия содержания.

Охрана тоже отмолчится – им предъявлять, по сути, нечего. Да, ходили, да, имущество охраняли. Рабочие? А мы при чём? Мы к ним отношения не имеем, наше дело – материальные ценности.

Так дело и распадётся. Разве что местное полицейское начальство негласно по шапке получит за то, что допустили такой беспредел – да и то не факт. Однако если оно в доле – то переживут, перетерпят и сгладят углы в нужных местах. Не зря же местечковые боссы с большими звёздами свои проценты с темы получают? Времена, когда людям в погонах платили просто так, чтобы не замечали – давно закончились. Сейчас все между собой повязаны, на диктофоны записаны, на камеры сняты. Потому и будут стараться от чистого сердца; не за страх, а за совесть.

– Человек двадцать пять – тридцать, – прервал Юрий раздумья Иванова. – Смотря как считать. Если по головам – то тридцать. Если по положению – то двадцать пять. Те пятеро – они к охране поближе. Ну, я говорил... Если считать по желанию смыться – то девять. Оставшиеся, – он на всякий случай принялся загибать пальцы, помогая себе не сбиться, – шестнадцать. Весну ждут. Но подорвут с места вряд ли, – тут мужичок грустно вздохнул. – Изломанные они.

– Изломанные? – переспросил Серёга, не до конца понимая смысл, вложенный беглецом в это слово. – Что ты имеешь ввиду?

Собеседник потёр щёку, поёжился, помрачнел:

– Воля в них умерла. Иные уже там по два года живут. Всего боятся...

– И все такие, как ты, перекаати – поле?

– Да. Кто откуда, но местных нет...

– А хозяева кто? – спросил Иванов, чтобы хоть что-то спросить. Чувствовал, что если сейчас замолчать, то будет ещё хуже, гадостней от услышанного, словно оно в нём вариться начнёт против его воли. Всё как он и думал...

Мужичок пожал плечами.

– Не знаю. На больших тойотах ездят. Бывают от силы раза три в месяц. Табличку у ворот приделали – общество ветеранов каких-то там служб. Одни заглавные буквы... Да только какие они ветераны? Сволочи и мироеды! А табличками прикрываются... Ещё орут много и с нами не разговаривают. Я как-то хотел таблеток попросить от головы, ну, чтобы разрешили выдать – так даже не глянули в мою сторону, будто я и не человек вовсе.

Почему-то верилось...

– И чем вы там, кроме макарон, занимаетесь? – бывший инспектор смотрел в окно, на снег и головы к собеседнику не поворачивал.

– Всем. В сезон – кольца бетонные делаем, заборы наборные опять же, из бетона, плитку всякую, тротуарную... Хватает работы. По зиме – сахар перефасовываем...

– Зачем? – Сергей не удержался, перебил Юрия.

– Так в мешках он сухой, в чистом весе, – не меняя интонации и не удивляясь, спокойно разъяснил тот. – А если его расфасовать по пакетам и увлажнить – до двадцати процентов в весе прибавляет. Была тонна – стала тонна двести. Ну и не досыпали, конечно, понемногу в каждый

килограмм. Всё одно перевешивать никто не станет. Сахарок по сельмагам разойдётся, где его под запись разберут и быстренько используют по назначению. Верное дело, каждый день по машине в развоз отправляли. Только эту работу ещё заслужить надо. И сытый сидишь, и в тепле – почти счастье. Я, лично, не был. Я только на макаронах чуть-чуть, а, в основном, казармы за внутренним забором разбирал. По весне кирпичи, плиты, всякие балки тоже продадут куда-нибудь. Знающие люди говорят – на этой теме озолотиться можно.

Автобус тряхнуло на невидимой кочке, и беглец поморщился.

– Язык прикусил, – пожаловался он, чуть шепелявя.

Сергей понятиво кивнул и больше с расспросами не лез, лишь сказал напоследок:

– До города доберёмся – помогу. А заодно и сообщу, куда следует, про ваши мытарства. Там посмотрим, чем всё закончится.

* * *

На очередной остановке в автобус ввалились сразу четверо здоровых мужиков в одинаковых чёрных куртках с липучками для шевронов на груди и рукавах, одетыми прямо поверх обычной гражданской одежды. О чём-то пошептавшись с водителем, один из них – морщинистый, лет шестидесяти, плотный и с неприятно-цепким взглядом, зычно проревел на весь салон, сходу перебудив всех спящих:

– Мы воров ловим. По сараям лазят, инструмент у людей воруют. Сейчас поглядим, и, если нет их, езжайте себе дальше с Богом.

Пассажиры одобрительно зашущукались. Воров в сельской местности не любил никто. И хотя каждый из присутствующих в силу крестьянского менталитета хоть раз в жизни что-то чужое да уносил к себе в дом, но это, по общему мнению, за грех не считалось. «Плохо лежит» – называлась та самая, оправдывающая в своих глазах любое воровство, индульгенция.

Однако в тех случаях, когда воровали у них, обыватели преображались, воспылав праведным гневом и становясь кровожаднее самого страшного тирана, маньяка и палача. За своё убивали, уродовали, калечили – и всё это происходило, как правило, без обращений в полицию или каких-то длительных разбирательств. Если ловили – чаще всего виновного ждал самосуд.

Юра, едва услышав говорящего, обернулся и изменился в лице. Стоящий в другом конце человек его тоже узнал.

– Так вот же... какая встреча, – радостно возвестил пожилой чернокурточник, бодро направившись в сторону ещё пару минут назад спокойно ехавших собеседников.

Все сидящие, да и стоящие тоже, разом обернулись в конец автобуса и уставились на Иванова и мужичка. Кто-то с интересом, кто-то с ненавистью, кто-то без интереса, просто для разнообразия скучной поездки.

А мужчина в чёрной куртке продолжал, уже почти подходя к насмерть перепуганному Юрию.

– Огорчаешь, – наставительно говорил он. – Неправильно себя ведёшь. Кто тебе разрешил?

Во время этого двусмысленного монолога, из которого посвящённый в предысторию человек мог понять одно, а непосвящённый совершенно другое, подходящее под байку о ворах, Иванов лихорадочно соображал: «Поднять шум? Их четверо, а он сейчас слабее воробья – глупо, не умно. Не перекричит, да и настроены эти чернокурточники слишком серьёзно. Затеять драку? Даже не смешно. Вон, Юра этот, стоит и смотрит на приближающегося мужика как удав на кролика, и пикнуть не смеет. Не боец, не помощник... Тогда сделать вид, что не причём? А это мысль... Добраться до города, сразу перетряхнуть все свои связи и слить информацию туда, где ей распорядятся по уму – то есть весь этот шалман разгонят к чёртовой матери и ввиду судебной бесперспективности разведут неизвестных хозяев на деньги так, что

те урок будут долго помнить и, вспоминая сумму, грустно почёсываться... Это займёт дня два, не меньше. Пока то, пока сё... С другой стороны, а что они этому беглецу убогому сделают? Морду набьют – не смертельно. На хлеб и воду в назидание посадят – тоже терпимо. Дождётся, никуда не денется».

– А где сообщник твой? – раздалось уже практически рядом, и Серёга оторвался от размышлений. Говорил всё тот же неприятный тип и всё тем же тоном. – Расскажи, пожалуйста. Не молчи. Не надо.

Но Юрий не отвечал, мелко трясаясь от ужаса и вжавшись спиной в стенку автобуса.

– Так рядом стоит! – проскрипело спереди.

Иванов вскинулся. Похоже, водитель варежку ни к месту открыл – слишком голос похож на тот, что рекомендовал при входе проезд оплачивать

– Они вместе садились, – теперь уже взгляд безошибочно вычленил болтуна. Ну да, точно. Водила. Высунулся вполоборота со своего места и вякает, скотина социально-активная.

– Точно, он, – впряглась и какая-то толстая тётка, сидящая у прохода. – Он меня ещё локтем зацепил, ворюга.

Вот оно, коллективно-бессознательное. Сказали – вор, значит вор. И ведь в голову никому не придёт, что одетый по-городскому, в добротные, дорогие вещи Сергей похож на расхитителя сараев как корова на плазменный телевизор, а смартфон, изредка мелькавший в его руках по ходу поездки, большинству присутствующих не по карману даже в кредит.

А дядька этот, предводитель, теперь уже без сомнений, охранников из военной части – молодец. Вон какую легенду по ходу дела выдумал – не придерёшься. Все верят. И что сейчас не скажи – только во вред обернётся.

Криво усмехнувшись, Иванов ждал развития событий.

– Понятно, – без эмоций в голосе пробубнил главный и громко потребовал. – Заднюю дверь открой. Тут у двоих конечная... – а затем добавил, явно для пассажиров. – В полицию повезём. Для разбирательства...

Народ неодобрительно загудел и он, широко улыбнувшись, поправился:

– Только потом. Сначала с ними поговорим. По-свойски...

Этот вариант понравился присутствующим больше, вызвав на лицах у многих злорадные улыбки. Так и носилось в воздухе:

– Ату их!..

Зашипела, залязгала механизмами дверь и главный, неожиданно ловко схватив Юрия за шиворот, выбросил его из салона прямо в снегопад, а затем спокойно вышел следом. С Серёгой обошлись вежливее – тройка оставшихся мужиков просто надвинулась на него, делая грозные рожи и оттесняя к выходу.

Пришлось подчиниться.

Оказавшись на улице и получив в спину лёгкий тычок от идущих следом, бывший инспектор произвольно сделал пару шагов в сторону и нос к носу столкнулся с неприятной физиономией главного.

– Телефон давай, – потребовал тот. – И не вздумай баловать. Поругаемся. Если ты не при делах – на другом рейсе уедешь.

Серёга хмыкнул:

– Меня и этот устраивает.

Стоящий напротив сарказма не оценил, повторив:

– Давай телефон, трепло.

В это время за спиной раздалась характерные звуки трогаящегося отечественного автобуса, на ходу закрывающего двери. Иванов вздрогнул. Главный нехорошо улыбнулся:

– Да, да... уехал. Ты угадал. И мы сейчас поедем, чего мёрзнуть?

В этот момент Серёгу неожиданно жёстко взяли под локти, заломили руки за спину, и кто-то новый, стоящий сзади, пробасил:

– Ну чё ты такой тупой. Тебе же сказали – телефон давай.

Справа и слева по карманам вразной захлопали руки (по всей видимости, охранники не стали ждать, пока он добровольно сдаст требуемое). Главный, по-прежнему невозмутимо, начал обшаривать Иванова спереди.

– Ты в курсе, что это беспредел? – стараясь не выдавать своего волнения, зло поинтересовался Серёга.

– В курсе, – ответил копающийся в карманах мужчина. – Можешь на меня пожаловаться. Я не против.

Наконец, смартфон переключал от владельца к досматривающему. Тот сразу снял заднюю крышку, мельком взглянул внутрь и сделал недовольно лицо.

– Чёрт, батарея несъёмная. Жаль... – резкое движение руки – и чудо инженерной мысли полетело без затей в сугроб.

– Вы что творите, идиоты? Меня же искать будут, – в последний раз Иванов попробовал решить дело миром.

– Вполне возможно. Только хрен найдут. В автобусе камер нет, местные о тебе через час и не вспомнят, а если вспомнят, то не признаются. Звонилку свою ты потерял только что. Да и нечего было у людей по сараям лазить, – с некоторой долей веселья в голосе бросил мужчина, а в конце вообще расхохотался, довольный собственной, и, как ему казалось, забавной, шуткой. Стоящие за спиной тоже заржали.

Рассмеялся и четвёртый детина в чёрной куртке, расположившийся чуть поодаль и держащий равнодушного ко всему, покорного Юрия за рукав фуфайки.

– Ты козьи морды мне не строй, не испугаешь. Сейчас вернёмся в тепло, поговорим, откуда ты такой взялся и как давно с нашим Юрой сговорился. Ну и о многом другом тоже пообщаемся. – отсмеявшись, продолжил главный. – Задумка хорошая, только исполнение – говно. Твой подельник одноногого толком связать не смог – тот и освободился, нам сообщил. И убегать на автобусе – ну вы и дебилы... – снова смех. – Неужели машину так сложно найти?

Бывшему инспектору оставалось лишь скрипнуть зубами. Рассказывать о случайности всего происходящего смысла нет. Не поверят. История выглядит настолько шитой белыми нитками, что он сам начал сомневаться в её реальности. По здравому размышлению – сплошной бред третьекласски, пойманного за курением в школьном туалете и на ходу придумывающего детские, прекрасные в своей первозданной тупости, отмазки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.